

Вторая «Зимняя Война»

Автор:

Юлия Михайловский

Вторая «Зимняя Война»

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Врата войны #4

И в этой истории Соединенным Штатам также не удастся избежать кровавой трагедии Перл-Харбора, но теперь в Вашингтоне всерьез задумались об изменении своей политики. Супруга американского президента совершает экскурсию в Россию будущего, где ее ждут шокирующие открытия. Руководство Германии получает своего «тройного коня», а Финляндию, поддержавшую фашизм, ожидает утрата независимости.

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Вторая «Зимняя Война»

Повторение – мать учения

Вступление

К сцепленной дате 6 декабря 1941 – 7 августа 2018 года в связанных Вратами мирах сложилась следующая обстановка:

В 1941 году фронт стабилизировался по линии Рига – Даугавпилс – Полоцк – Лепель – Борисов – Бобруйск – Речица, и далее по линии Днепра до самого устья, включая Киевский и Херсонский плацдармы на правом берегу реки. Помимо этого, остатки бывшей группы армий «Север» засели в котлах северо-восточнее Пскова и в окрестностях Пярну, куда отступила группировка, прежде осаждавшая Таллин. Операция по их ликвидации была еще впереди. Под Ленинградом и Мурманском линия фронта по-прежнему проходила там, где ее застало образование Портала. Финны, вернувшие себе потерянное в ходе зимней войны, сидели тихо, как мыши под веником, боясь привлечь к себе лишнее внимание, ибо Экспедиционный корпус был грозен. Зато германское командование, напротив, еще после Смоленского сражения отозвало из Финляндии все свои части. Но, несмотря на всю эту тишину, само существование независимой Финляндии, появившейся на свет только по причине благодушия и непредусмотрительности Ленина, являлось ужасным непорядком, который советское командование с помощью коллег из экспедиционных сил в ближайшее время собиралось исправить.

Помимо этого, тридцать (а по другим данным, и пятьдесят) тысяч немецких солдат из бывшего второго армейского корпуса, сдавшиеся под гарантии командующего российским экспедиционным корпусом генерала Матвеева, ожидали погрузки в эшелоны, которые доставят их к Порталу. А там уже все было готово к их переправке в 2018 год, а затем и в тамошнее ФРГ. Раненых российская военно-транспортная авиация начала вывозить еще вечером 5-го декабря, а вскоре должен был тронуться и основной бедлам на колесах. Им еще предстояло узнать, что хлеб побежденных бывает горше хлеба изгнанников, и столкнуться на улицах немецких городов с так называемыми беженцами, которые на самом деле хуже саранчи. И эту истину по-деревенски простым и наивным немцам Третьего Рейха еще предстояло осознать; а пока они предвкушали впереди молочные реки с кисельными берегами.

Но самые грозные и интересные события назревали на другом конце земного шара, в окрестностях Гавайских островов. До взлета с авианосцев первой волны японских ударных самолетов оставалось всего восемь часов. Потом последует один час сорок минут полета, в эфире прозвучит клич «Тора! Тора! Тора!» – и Тихоокеанский флот Соединенных штатов огребет большие неприятности. Но никто об этом не подозревает. Час назад прозвучала команда «отбой», – и не все, кто сегодня лег спать в своей постели, проснется завтра на этом свете. Спят матросы и офицеры Тихоокеанского флота, спят летчики самолетов, базирующихся на гавайских аэродромах, спят зенитчики и солдаты множества вспомогательных служб; спят гражданские, которым завтра предстоит

разделить общую судьбу. И, самое главное, сном праведника спит адмирал Киммель, отмахнувшийся от предупреждения Рузвельта: «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Одним словом, Аннушка уже пролила свое масло, и этого масла было больше чем достаточно, чтобы угробить десяток-другой Берлиозов...

В 2018 году закончился мундиаль, и события дальше шли своим чередом:

13 августа Италия отказалась принимать судно Aquarius, которое спасло в водах Средиземного моря 141 мигранта из Африки.

14 августа Президент Турции объявил о запрете на ввоз электроники из США в ответ на повышение американских пошлин на сталь и алюминий. А также в Пенсильвании был опубликован доклад о сексуальном насилии над детьми со стороны местных священников, и в результате большая коллегия присяжных пришла к выводу, что насилие над детьми совершали более 300 священников.

15 августа Правительство Германии одобрило законопроект о признании третьего пола (Немецким солдатам, репатриированным из 1941 года, эта новость будет особенно интересна).

Помимо этого, в Штатах продолжается вялая (из-за отсутствия фактов) движуха на тему вмешательства России в американские выборы. В Британии пресса гундит на тему отравленных Скрипалей. В Голландии изо всех сил, натягивая сову на пень, муссируют тему сбитого над Донбассом Боинга. В Германии страдают о российском Крыме, непокорном Донбассе, транзите газа через Украину, и вообще о молодой и беспутной незалежной «демократии» с нацистским душком. И все это – на фоне брезжащего уже на горизонте Брексита, засилья афро-арабских «беженцев», налетевших на Европу как мухи на варенье, всеобщей толерантности, борьбы за права самых разнообразных меньшинств, а также падения популярности основных политических партий, деливших между собой власть последние лет семьдесят.

Система, установившаяся с момента, когда после завершившейся Второй Мировой войны американцы навели в Западной Европе свой «новый порядок», начала трещать по швам. На фоне банкротства прежних элит на поверхность стали всплывать такие политики, которым прежде и руку подать было зазорно. В

европейском воздухе, пока еще отдаленно, запахло тридцать третьим годом, факельными маршами и лозунгами вроде «Германия для немцев». А как иначе, если европейский политический маятник, проскакывая нейтральное положение, обычно колеблется между оголтелым либерализмом и столь же оголтелым фашизмом. Ведь и тогда, в начале тридцатых годов двадцатого века, Гитлер и присные пришли к власти вполне демократическим путем, на фоне полного банкротства предшествующих им германских элит.

Но в общих чертах сам факт запортальной войны Советского Союза с гитлеровским фашизмом пока еще мало влияет на жизнь людей по всему миру, и они попросту не обращают на нее внимания, занятые повседневной суетой. Ну разве что Россия и ее граждане всерьез следят за происходящим на той стороне портала, где, помимо дедов-прадедов, с коричневой чумой бьются их отцы-братья-мужья – кто в составе Экспедиционного корпуса, а кто и добровольцем в рядах Красной Армии. Кроме русских, с тем же интересом к запортальным событиям относятся в том самом государстве, которое его вождями было официально объявлено «Нероссией». Населяющие эту затерянную на географических картах страну небратья следят за событиями в 1941 году с тем же интересом, что и россияне, но с прямо противоположным вектором. Многие из них вместо АТО с удовольствием рванули бы «на ту сторону» – чтобы полицайствовать, служить в карательных батальонах и охране концлагерей, но, к их несчастью, это оказалось невозможно, и теперь им только остается вступать с «москалями» в интернет-баталии, ругая Сталина и «совков» и превознося своих «хероев»: Бандеру, ОУН-УПА и солдат дивизии СС «Галичина»...

Иногда случаются коллизии, когда бойцы и командиры Красной Армии, попавшие в двадцать первый век (например, для излечения после тяжелого ранения) вдруг находят своих внуков-правнуков. А может, даже не своих, а двоюродных-троюродных, потому что сами они в нашей истории сгнули в многочисленных котлах[1 - В многочисленные «котлы» смоленского сражения, киевский котел и котел под Вязьмой в общей численности попало до полутора миллионов советских бойцов и командиров. В среднем из котлов «выходило» около десяти процентов штатной численности окруженных частей и соединений, остальные или погибали или попадали в плен. В плену же выжить удавалось очень и очень немногим, потому что у германской армии не было ни желания, ни материальной возможности содержать огромное количество пленных, на халаву подаренных им тупенькими довоенными советскими генералами, возглавляемыми маршалом Тимошенко. Не имелось даже достаточного количества подвижного состава, чтобы вывести это массу пленных в Германию

для использования в качестве дармовой рабочей силы в германской экономике, да и необходимость в этом до поры до времени немцами просто не осознавалась. Вот когда в Германии началась тотальная мобилизация – тогда и вспомнили о советских военнопленных как о рабочей силе; только большинство из них до этого момента уже не дожило.] лета сорок первого года и немецких концлагерях, не оставив после себя не то что потомства, но даже никакой информации в архивах. «Призван н-ским военкоматом по мобилизации» – и все. А от тех, что были призваны «на сборы» в канун войны, не осталось и этого[2 - В середине пятидесятих годов по приказу Хрущева в военкоматах было произведено массовое уничтожение первичных документов предшествующего периода. При этом данные на кадровый состав, военнослужащих срочной службы и призванных по мобилизации переносились в журналы учета, а сведения о временно призванных на сборы в предвоенных период были попросту забыты. Осложняет эту ситуацию то, что большинство из тех частей и соединений, в которые призывались такие резервисты, были в числе первых брошены на поддержку разваливающегося фронта и без остатка сгинули в многочисленных котлах вместе со всей своей канцелярией, и об их жизни и даже о командном составе мы знаем только то, что стало достоянием московских архивов.]. Будто этих людей никогда и не существовало.

Такие встречи предков и потомков происходили когда счастливо, а когда и не очень. Иногда молодой дед, фигурально говоря, плевал в лицо опозорившим его внукам-правнукам, после чего, круто развернувшись, уходил прочь. Тяжелее всего приходилось уроженцам Украины, которые уж точно с полным правом могли спросить: неужели они проливали кровь за то, что у них выросли такие потомки – одновременно трусливые, наглые и жадные? И ведь не приедешь к ним, даже для того чтобы плюнуть в морду. Ведь там, между Россией и Украиной, где прежде была всего лишь линия на карте, теперь появилась граница со всеми ее атрибутами и злыми украинскими пограничниками, которым пускать к себе «совков» совсем уже не с руки, будь они по национальности хоть трижды украинцами.

Отдельно надо рассказать историю Аркадия Гайдара, который всерьез порывался бросить все, поехать в Москву и пристрелить из именного нагана свою «бывшую» – Рахиль Соломянскую, вместе с ее отпрыском-недорослем, потому что стрелять Машу Гайдар в 2018 году было уже поздно. Такой, понимаешь, неуравновешенный человек: чуть что – и стрелять. Наган у Аркадия Петровича отобрали, налили спирта и объяснили, что не стоит все это таких беспокойств... В результате тот написал в соответствующие инстанции заявление – и Тимур Аркадьевич Гайдар, русский и сын знаменитого писателя,

прекратил свое существование естественным путем, превратившись в Тимура Израилевича Соломянского, еврея и члена семьи изменника Родины. С такой анкетой не бывать ему теперь бумажным адмиралом, поучающим юношество, как жить и во что верить. Вот и все об этом человеке, как сказала бы в свое время Шахерезада...

Впрочем, история Аркадия Гайдара не была единичной (просто самый яркий пример), и относится скорее к 1941 году, потому что в начале двадцать первого века она была уже не в силах что-то отменить или изменить. А вот «там», в прошлом, люди, находящиеся на самых разнообразных «теплых местах», чьи дети и внуки выросли знатными диссидентами, постсоветскими перерожденцами (как тот же Егор Гайдар), да и просто олигархами, вдруг почуяли вокруг себя неприятное внимание и испуганно притихли. Еще в середине сентября, когда стихло ожесточенное Смоленское сражение и советское руководство смогло перевести дух, военные вопросы отошли на второй план. Тогда же вперед выступил вопрос – как так вообще могло получиться, что, несмотря на победу в тяжелейшей войне и невиданные успехи в деле построения социализма, на семьдесят четвертом году существования советская власть вдруг рухнула окончательно и безвозвратно, а единая прежде страна рассыпалась на множество кусков, скатившихся в самый дикий капитализм.

Несмотря на то, что большинство причастных к этой истории лиц еще ходили пешком под стол или вообще не родились, их родители, дедушки-бабушки (вроде той же Рахили Соломянской) могли и не пережить того факта, что они вырастили-воспитали людей, так или иначе причастных к величайшей геополитической катастрофе двадцатого века... Гм, надо признать, что семнадцатый и последующие за ним года того же века тоже были далеко не увеселительным карнавалом. Но большевикам, как и иным людям, всегда кажется, что когда они берут у других силой власть (корову, лошадь, дом, женщину и т. д.) – это всегда хорошо и правильно, а вот когда это самое, взятое с боя, отбирают уже у них, то это так плохо, что хуже некуда. А Лаврентий Павлович с Иосифом Виссарионовичем – люди серьезные, способные строго спросить за недостатки в воспитании подрастающего поколения. Хотя какие уж тут недостатки. Кто во что верит, тот тому своих детишек и внучков и учит. Впрочем, репрессии если и будут, то случатся они далеко не сразу. Сейчас, пока идет война, для них еще не время, и тем более никто не будет устраивать из этого кампанию, хотя карьеры людей, попавших в связи с этим под расследование, окажутся полностью замороженными.

Но сейчас основные события происходят даже не на советско-германской фронте, где готовится ликвидация окруженных группировок и идут бои местного значения. Главное должно случиться на другой стороне земного шара, где в тропический тихоокеанских водах точкой на бескрайних водных просторах притаился маленький Гавайский архипелаг.

Часть 13. Тора! Тора! Тора!

6 декабря 1941 года, 06:00. 275 морских миль (450 км.) к северу от острова Оаху. Авианосец «Акаги», флагман ударного авианосного соединения.

Вице-адмирал Тюити Нагумо

Раннее утро. Солнце только что оторвалось от горизонта и сразу скрылось в мощной кучевой облачности, почти непрерывно висящей в этом месте Тихого океана, где теплые экваториальные течения сталкиваются с холодными северными водами. Стоя на мостике флагманского авианосца, адмирал смотрел на суету, что творилась на палубе. Техники и вооруженцы мельтешили вокруг выстроенных рядами самолетов, снаряжали пулеметы патронными лентами, заливали в баки горючее, подвешивали под фюзеляжи бомбы и торпеды. Быстрее, быстрее, еще быстрее; торопливое время не ждет, и, чтобы успеть за ним, надо все делать так, как положено в японской армии и на флоте – то есть бегом.

Там, на Гавайях, еще ничего не знают, но час назад на кораблях соединения «Кидо Бутай» был зачитан приказ императора начать войну с длинноносими западными варварами, выдвинувшими Империи Ямато совершенно неприличный ультиматум. Принять наглые требования длинноносых варваров и покорно склонить перед ними свою голову – это значит не только утратить все завоевания последних тридцати лет, но и потерять лицо, что невозможно для потомков богини Аматерасу. На Гавайях еще ни о чем не ведали, но японский флот уже находился в состоянии войны. Японские летчики, большинству из которых не исполнилось и двадцати лет, готовились заставить американцев смыть оскорбления кровью, а в случае необходимости отдать свои жизни за божественного Тэнно. Ведь смерть самурая легче перышка, а долг тяжелее горы.

В то же время адмирал помнил главное наставление своего командующего адмирала Ямамото, которое тот дал перед выступлением в боевой поход. Заклучалось оно в следующем: если при первом налете удастся достичь эффекта внезапности, следует бить по Гавайям до полного исчерпания авиационного боезапаса. Второго шанса нанести противнику невосполнимый ущерб уже не будет. Потом на первый план выступит несоизмеримость весовых категорий противников. Япония в силу малочисленности своей армии даже при полном успехе не может и мечтать о том, чтобы оккупировать Соединенные Штаты, в то время как наглые янки, объявив мобилизацию, запросто могут создать армию, численность которой будет сопоставима со всем населением Японских островов. Флот – это единственное, чем воины страны Ямато могут нанести врагу тяжелые потери. Один точно нацеленный внезапный и сокрушительный удар – и Япония на некоторое время становится доминирующей военной силой на Тихом океане.

Правда, сразу после начала войны великолепная американская экономика начнет переходить на военные рельсы, и некоторое время спустя многократно перекроет первоначальные потери, а всеобщая мобилизация даст американской армии и флоту миллионные контингенты солдат и матросов. Как сказал адмирал Ямамото: «Если поступит приказ вступить в бой, я буду неудержимо двигаться вперед в течение половины или целого года, но я абсолютно не ручаюсь за второй или третий год...» Но у Японии уже был опыт борьбы с огромной континентальной державой, из которой она вышла победителем. Вероломно напав в 1904 году на огромную Российскую империю, страна Ямато вышла из той войны победительницей, и успех тридцатипятилетней давности кружил сейчас горячие головы, замахивающиеся на сильнейшую державу западного мира. А вдруг пронесет и на этот раз – ведь русский император бросил карты не потому, что его армия понесла тяжелейшее поражение. Резервы у русских еще были – при дальнейшем продолжении войны на суше знаменитый русский паровой каток раздавил бы японскую армию в тонкий блин. Император Николай не стал воевать дальше, поскольку отдаленный остров Сахалин и безлюдные сопки Маньчжурии просто не являлись для него предметом первой необходимости, ради которого стоило бы продолжить лить кровь русских солдат. Так же и сейчас. Для чего янки нужны огромные просторы Тихого океана, отдаленные острова и джунгли Индокитая, которые находятся от них считай что на другой стороне земного шара? Требуются только несколько решающих побед, что нанесут противнику неприемлемый ущерб – и американский президент сам запросит пощады у божественного Тенно, предложив почетный мир, гарантирующий существование Великой восточноазиатской сферы взаимного

процветания[3 - Великая восточноазиатская сфера процветания (дайтэ: а кё: эйкэн) – паназиатский проект, созданный и продвигавшийся правительством и вооружёнными силами Японской империи в период правления императора Хирохито. Проект основывался на желании создать в восточной Евразии «блок азиатских народов, возглавляемый Японией, и свободный от западных держав». Как утверждала официальная пропаганда, целью Японии являлось «соцветание» и мир в Восточной Азии, в свободе от западного колониализма.].

Пока адмирал Нагумо размышлял, стоя на мостике, ударное авианосное соединение, выстроившись уступом, развернулось против ветра и развило полную скорость, а на палубе «Акаги» взревели авиационные двигатели. Пятнадцать высотных бомбардировщиков, двенадцать торпедоносцев и девять истребителей «зеро» готовились сорваться в небо, чтобы передать янки огненный привет. Впрочем, на других авианосцах наблюдалось то же самое. Конечно, все еще можно отменить, но это исключено по идейным мотивам. Если оскорбление нанесено, то смыть его можно только кровью. Японские летчики и моряки с энтузиазмом восприняли возможность скрестить свое оружие с заокеанскими гайдзинами, ибо только битва с сильнейшим противником приносит самураю настоящую славу.

К этому дню пилоты, штурманы и стрелки готовились самым тщательным образом. На неприметном японском острове, бухта которого своими очертаниями повторяла очертания Жемчужной бухты (Перл-Харбор) на острове Оаху, целых полгода шли упорные учения палубной авиации по количеству самолетовылетов, мало чем уступающие небольшой войне. Были и потери, куда же без них. Самолеты гробились из-за отказов техники, насилюемой как во время настоящих боевых действий, ошибок пилотов, а также из-за того, что каждый десятый патрон, заряженный в пулеметы и пушки, был боевым. Вроде бы немного, но и при такой скудости японские асы умудрялись по-настоящему сбивать друг друга в учебных воздушных боях. По некоторым данным, отсеив в ходе подготовки составил до половины первоначального состава, но сейчас это были лучшие из лучших, готовые на равных драться с западными демонами.

Вот палубный дежурный взмахнул своим флагом – и бомбардировщик Nakajima B5N, тип 97, пилотируемый командиром авиагруппы капитаном первого ранга Мицуо Футидой, сорвался со своего места и, пробежав по палубе, взмыл в небо. Сразу за ним последовала следующая машина, а за ней еще и еще. Если посмотреть по сторонам, то было видно, что и с других авианосцев также

взлетают самолеты – подобно разъяренным осам, они собираются в жужжащий рой. Вот и последний истребитель «ноль» ушел в небо, после чего, собравшись в боевой порядок, воздушная армада взяла курс на юг. Теперь, когда вся подготовка завершена и самолеты первой ударной волны вылетели, оставшимся на авианосцах палубным командам пришло время извлекать из ангаров и готовить к полету самолеты второй ударной волны. В то же время их адмиралу Тюити Нагумо, который мысленно был там, в небе, вместе со своими летчиками, теперь следовало терпеливо ждать момента, когда эфир разорвет воинственный клич: «Тора! Тора! Тора!», возвещающий, что атака главной американской базы на Тихом океане началась. А до того момента самолеты идут на цель в полном радиомолчании; и это как раз тот случай, когда отсутствие новостей и есть самая лучшая новость. Преждевременный выход в эфир капитану первого ранга Футиде разрешался только в том случае, если самолеты первой ударной волны будут обнаружены и атакованы еще до подлета к цели.

6 декабря 1941 года, 07:50. Остров Оаху, бухта Перл-Харбор. Главная база Тихоокеанского военно-морского флота США

Все произошло внезапно. Стояло тихое субботнее утро (не воскресенье, конечно, но тоже расслабуха), и никто не подозревал, что этой тишине остается жить всего несколько минут. В благодушном настроении находился и командующий Тихоокеанским флотом адмирал Хазбенд Киммель. Заранее отдав приказ, чтобы его не беспокоили до восьми утра (когда на кораблях должен был состояться ритуал поднятия флага), он спокойно пил свой кофе с булочкой, даже не подозревая, что это последние спокойные минуты в его жизни. Кофе был очень хорош, и булочки тоже были не хуже.

Тут надо сказать, что до этого самого дня адмирал находился на хорошем счету у начальства. Еще бы – этот перспективный и очень активный мистер был неоднократно отмечен за профессионализм и энергичность. В 1899 году семнадцатилетний Хазбенд Киммель поступил в Центральный университет Кентукки, но через год получил назначение в Военно-Морскую академию США, которую закончил в 1904 году. Затем учился в артиллерийской адъюнктуре в Военно-морском колледже. В 1906 году ему было присвоено звание энсайна (мичмана).

После обучения артиллерийскому делу в Бюро артиллерии в Вашингтоне он служил на линкорах «Джорджия», «Висконсин» и «Луизиана», дважды был

помощником директора по артиллерийским стрельбам при министерстве ВМФ, командиром артиллерии на броненосном крейсере «Калифорния» и командиром артиллерии Тихоокеанского флота. В 1914-м году участвовал в интервенции в Веракрусе (Мексика), а в 1915-м короткое время служил помощником министра ВМФ Франклина Рузвельта. В 1917 году, после вступления США в Первую мировую войну, Киммель отбыл в Великобританию в качестве консультанта по системам артиллерийской наводки, а затем стал начальником артиллерии в штабе эскадры американских линкоров, приписанной к британскому Гранд-флоту.

После завершения Первой Мировой войны ему удалось сделать хорошую карьеру, и в 1937 году он дослужился до чина контр-адмирала. Служил на Военно-морской артиллерийской фабрике в Вашингтоне, командовал эскадрой эсминцев, был слушателем Военно-морского колледжа, офицером связи между Министерством ВМФ и Государственным департаментом, директором передвижения кораблей в офисе Начальника морских операций, командиром линкора «Нью-Йорк», начальником штаба командования линейных сил флота, начальником бюджетного управления ВМФ.

С 1939 по 1941 год Киммель командовал дивизионом крейсеров, а затем крейсерами линейных сил Тихоокеанского флота. Проявив себя на последней должности как выдающийся командир, 1 февраля 1941 года Киммель решением министра ВМФ Фрэнка Нокса получил временное звание адмирала и занял пост командующего Тихоокеанским флотом и командующего флотом США. 24 июля 1941 получил постоянное звание адмирала (минуя чин вице-адмирала). Быть может, он и в самом деле был таким хорошим командующим, а может, сказалось давнее знакомство с будущим президентом Рузвельтом, но только карьера этого человека была сколь стремительной, столь же и бессистемной, напоминающей петляющие скачки спасающегося от погони зайца. Но несомненно одно. На протяжении своей долгой службы, продвигаясь к должности командующего Тихоокеанским флотом, этот человек неизбежно обрастал связями и высокими знакомствами – так же, как днище корабля в водах тропических морей обрастает всякой подводной живностью. При этом, заняв должность командующего, адмирал Киммель начал готовить Тихоокеанский флот к наступательной, а не оборонительной войне. Уже в первые дни войны американский флот должен был нанести удары по Маршалловым островам, являвшихся ближайшей к Гавайям японской территорией.

В возможность непосредственного нападения японского флота на Перл-Харбор командующий флотом не верил, потому что он располагался на весьма значительном отдалении от ближайших японских баз. По его представлениям, Япония сначала должна будет захватить один из ближних к Гавайскому архипелагу островов, основать на нем маневровую базу, в которой были бы созданы все условия для базирования линейного флота, а уж потом приступить к планомерной осаде Перл-Харбора. То есть японцы, в его представлении, должны были действовать так же, как они действовали во время русско-японской войны, с маневровой базы в островах Элиота осаждая русский Порт-Артур. Предотвратить такой сценарий проще простого, ведь на Гавайях базируются лучшие в мире дальние тяжелые бомбардировщики Б-17, которые вдребезги разнесут любую вражескую базу, оказавшуюся в радиусе их действия, а американские линкоры довершат остальное.

А уж в возможность нападения при помощи авианосцев адмирал Киммель не верил, потому что это фантастика. Артиллерист до мозга костей, сторонник классических линейных сражений, где все решает скорость эскадренного хода, толщина брони и вес артиллерийского залпа, он не мог представить и в страшном сне, что маленькие жужжащие аппараты из дерева, фанеры и чуть ли не рисовой бумаги, с экипажем из двух-трех человек, смогут топить огромные стальные линкоры водоизмещением в несколько десятков тысяч тонн. Это даже не Давид и Голиаф; это как если бы на Голиафа с пращей наперевес ринулась полевая мышь. Впрочем, Хазбенду Киммелю в самое ближайшее время предстояло убедиться в ошибочности своих представлений, и до этого момента остались считанные мгновенья.

Японские самолеты появились в небе над Перл-Харбором со всех сторон сразу: высотные бомбардировщики с юго-запада, торпедоносцы с северо-запада и юго-востока, пикирующие бомбардировщики и истребители «зеро» с севера. Но первыми самурайскую ярость познали американские летчики на аэродроме Уилер, что располагался в верхней части долины, образованной склонами двух вулканов. Двадцать пять пикирующих бомбардировщиков с «Дзуйкаку» и восемь истребителей «зеро» с «Хирю» растерзали аэродром в мелкие дребезги, изрешетили пулями самолеты на стоянке, разворотили взрывами бомб взлетно-посадочную полосу и подожгли емкости с горючим. Две минуты спустя одиннадцать «зеро» с «Сёкаку» и «Дзуйкаку» на бреющем полете атаковали базу гидросамолетов Канэохе на восточном побережье острова. Сделав несколько заходов, они сожгли три десятка гидропланов и подожгли емкости с горючим. Одновременно удар был нанесен по аэродрому морской авиации Эва. Всего шесть японских истребителей, взлетевших с авианосца «Хирю», очень

быстро уничтожили тридцать американских истребителей, непосредственно прикрывавших базу Перл-Харбор.

Последний удар обрушился на аэродром бомбардировочной авиации Хикем Филд (на его месте в наше время расположен аэродром Гонолулу). Двадцать шесть пикирующих бомбардировщиков с «Сёкаку» и девять истребителей «зеро» с «Акаги» в считанные минуты превратили в изрешеченный хлам более семидесяти американских бомбардировщиков (тех самых, что должны были пресечь появление поблизости от Гавайев японской маневровой базы). Грохот взрывов, угольно-черный дым и багровое пламя горящих топливных танков возвестили о том, что Перл-Харбор лишился всей своей авиации. Несколько храбрецов, которые сумели под огнем взлететь на своих истребителях, были не счет. Численное превосходство «зеро», набросившихся на американские истребители, едва те появились в воздухе, и отточенное мастерство японских летчиков сделали свое дело – и американские пилоты были очень быстро сбиты.

Но это была только прелюдия – так сказать, нежный петтинг перед настоящим половым актом, поглаживания и пошлепывания по ягодицам. Одновременно с ударом пикировщиков по аэродрому Хикем Филд над гладью бухты Перл-Харбор появились торпедоносцы. Двадцать четыре машины, взлетевшие с авианосцев «Акаги» и «Кага», нацелились на так называемый «линкорный ряд» – цепь массивных бетонных свай к югу от острова Форд, к которым с обеих сторон были пришвартованы семь из девяти американских линкоров Тихоокеанского флота. Из двух линкоров, отсутствовавших на своем месте, «Калифорния» стояла на якоре неподалеку, а «Пенсильвания» находилась в сухом доке.

Еще шестнадцать торпедоносцев должны были атаковать американские авианосцы, обычно парковавшиеся на другой стороне бухты. Но «Саратога» в данный момент находилась в Сан-Диего на модернизации, а «Лексингтон» и «Энтерпрайз» ушли в рейс, имея на борту группировку сухопутных истребителей, которых требовалось доставить на аэродромы архипелага Мидуэй. Поэтому на пути японских торпедоносцев оказались два легких крейсера «Релей» и «Детройт», гидроавианосец «Танжер» и учебный корабль – устаревший линкор «Юта» без брони и вооружения. В нашей истории почти вся ярость обрушилась как раз на «Юту». Японские летчики, прельстившиеся линкорной внешностью старушки, накидали ей столько торпед, что от избытка их эмоций безобидная лоханка перевернулась кверху днищем прямо на месте своей якорной стоянки. Легким крейсерам при этом досталось всего ничего; из них повреждения получил лишь один «Релей», остальные отделались испугом.

Но на этот раз японские летчики получили указание не обращать внимания на сходство «Юты» с линкором – так что именно она осталась на плаву, а оба легких крейсера и плавучая база гидропланов потопили на своих якорных стоянках, что значительно сократило плотность зенитного огня на этой стороне бухты.

Но самое веселое происходило как раз в линкорном ряду. Со стороны бухты его атаковали торпедоносцы, а сверху на линкоры с высотных бомбардировщиков сыпались восьмьсоткилограммовые бомбы, представляющие собой четырнадцатидюймовые бронебойные снаряды с приваренными к ним стабилизаторами. С линкорами все вышло как по-писаному, только вместо «Аризоны» от бронебойной бомбы, добравшейся до погребов, взорвался «Теннеси», а «Оклахома», «Калифорния» и «Западная Виргиния» перевернулись, наловив в борта японских торпед. Чуть позже затонула на ровном киле изрядно поврежденная «Невада», которая, как и в прошлый раз, пыталась выйти из бухты. При этом один из асов мимоходом воткнул торпеду в танкер «Неошо» (уцелевший в нашей истории), отчего тот перевернулся, а по бухте поплыл противный, мерзкий, липкий мазут. Вот вам, мистер Киммель, и горячий кофе со свежими булочками...

Впрочем, если удар первой волны в общем повторял рисунок произошедшего в другой истории, то вторая волна была уже совершенно по другим целям. В первую очередь высотные бомбардировщики сбросили бомбы на нефтехранилище, где очень вскоре запылал исполинский пожар, а пикировщики атаковали стоянки подводных лодок. Досталось от них и стоявшей в доке «Пенсильвании», которая не утонула только потому, что и так была вытащена из воды.

Одним словом, японские летчики веселились как могли и изо всех сил делились своим счастьем с американскими моряками. Когда они улетели, можно было констатировать тот факт, что американского тихоокеанского флота как боевой единицы более не существует. Разгром был полный. Даже если в базу Перл-Харбора нагнать новых боевых кораблей из Атлантики, то все необходимое для ведения войны им придется везти с собой, что малореально... Впрочем, это был еще далеко не конец злоключений американской военной базы, ибо японские летчики, улетаая, обещали вернуться, и не один раз. Ну прямо как карлсоны...

6 декабря 1941 года, 08:05. Тихий океан в 500 милях к западу от острова Оаху

Нападение японской авиации на Перл-Харбор застало оба американских авианосца в море. Флагманский «Энтерпрайз» с адмиралом Хэлси на борту, вместе с сопровождающей его корабельной группой TF-8, уже побывал на острове Уэйк и сейчас возвращался обратно в Перл-Харбор, а авианосец «Лексингтон» в составе группы TF-12 только сутки назад вышел из Перл-Харбора в рейс на острова Мидуэй. Авианосцы – это такие «большие мальчишки», что даже в мирное время их сопровождает почетная свита из тяжелых крейсеров и эсминцев, обеспечивающих противолодочную и противовоздушную оборону этих плавучих аэродромов. В состав группы TF-8, помимо авианосца «Энтерпрайз», входили три тяжелых крейсера и девять эсминцев. У «Лексингтона» свита была пожиже: тоже три крейсера, но эсминцев в сопровождении было всего пять.

Так уж получилось, что утром 6-го декабря оба авианосных соединения, следующих противоположными курсами, оказались на расстоянии примерно двадцати миль друг от друга и в пятистах милях от Гавайских островов. Первые истеричные радиовопли достигли американских кораблей как раз в тот момент, когда их команды, за исключением вахт по походному расписанию, были выстроены на палубах для проведения ритуала подъема флага. Вот и получилось, что вестовой с радиограммой не сразу пробился к адмиралу Хэлси, стоявшему в тот момент на мостике «Энтерпрайза». Настроение у американских моряков было приподнятое: уже завтра около полудня авианосцу предстояло бросить якорь в Перл-Харборе, и каждый офицер или матрос уже примерялся, как он проведет в увольнительной вторую половину воскресного дня. Девочки, бар, казино; ну или то же самое, но в противоположном порядке.

Двадцать миль – это только на карте Тихого океана две практически сливающиеся точки, а на самом деле это расстояние равно суточному пешему переходу – поэтому корабли не находились рядом в бытовом смысле этого слова, хотя и наблюдали друг друга на радаре. Что касается японской эскадры, то даже если бы адмирал Нагумо знал, где ему следует искать американских «коллег», то долететь до американских авианосцев японские пикировщики и торпедоносцы смогли бы, но только в один конец. Впрочем, японским летчикам хватало забот и с Перл-Харбором, ведь вражеская военно-морская база – это чудовищный по размеру объект собственности, который требуется разнести в мелкую щебенку. Ну вот они и старались, сосредоточив внимание на главной цели, во всем же остальном пожившись на прикрытии из завесы подводных лодок, при пересечении которой вражескими кораблями на «Акаги» должен был поступить сигнал тревоги. Но сигнала не было, и потому японская авиация преспокойно превращала американскую базу в руины.

Впрочем, дальние крейсерские подводные лодки передового экспедиционного соединения не только составляли завесу, прикрывающую авианосную группировку от вражеских кораблей. Вдобавок к этому они, по приказу адмирала Ямамото, патрулировали район западнее Гавайских островов. Цель патруля внятно указана не была, ибо ранее предполагалось, что уцелевшие американские корабли попытаются покинуть Гавайи и отойти на восток в направлении территории США; а вот для чего патрулировать западное направление, командиры подводных лодок не понимали, хотя и исполняли приказ со всем возможным тщанием. С Ямамото на японском флоте не спорят, его приказы бросаются исполнять в буквальном смысле сломя голову. И вот сейчас, будучи осведомлен о том, что боевые действия уже идут (так как сигнал «Тора! Тора! Тора!» слышали все), командир подводной лодки I-26 капитан-лейтенант Ёкота Минору, получив сообщение акустика о том, что слышен шум винтов множества кораблей, осторожно поднял перископ и осмотрелся.

Увиденное заставило его вознести благодарственную молитву богам. Прямо на его позицию в окружении тяжелых крейсеров и эсминцев пер один из американских тяжелых авианосцев. Ну а если учесть, что на позиции вместе с I-26 находился весь 4-й дивизион подводных лодок и поблизости затаились еще I-24 и I-25, то наглых гайдзинов ожидали обширные неприятности. Субмарина I-26 вообще-то была лодкой совсем новой, вошедшей в состав флота меньше месяца назад, но ее команда, уходя в свой первый боевой поход, была полна решимости не посрамить славное имя японских подводников. И вот теперь на них идет добыча, от которой просто захватывает дух. Авианосец с эскортом прет прямо на затаившуюся лодку, и вот-вот сам должен влезть в перекрестье прицела.

Правда, с учетом плотного прикрытия из эсминцев шанс на выживание после такой атаки был не велик, но у японцев жизненные установки несколько отличались от тех, что исповедуют американские и европейские общечеловеки. Нельзя сказать, чтобы японские военные моряки совсем не дорожили своей жизнью, но совершить подвиг во имя императора, отдать свою жизнь за Японию – да так, чтобы твое имя было записано на стене храма Ясукуни – разве не в этом заключается подлинный смысл жизни настоящего самурая? И может быть больший подвиг, чем влечь полный залп носовых аппаратов во вражеский авианосец и успеть увидеть его агонию? Так что благодарите богов Синто, сукины дети, и принимайтесь за работу! Все до единого поименно попадете на стену храма Ясукуни, ни одного из вас не забудут.

Капитан-лейтенант Ёкота Минору не знал, что позиции для патрулирования дивизионам крейсерских подлодок нарезались штабом Объединенного Флота в строгом соответствии с мудрыми указаниями адмирала Ямамото, а тот черпал информацию из одной хитрой карты, которая среди прочих документов была доставлена из СССР военно-морским атташе капитаном первого ранга Ямагучи. Карта эта была настолько секретна, что о самом ее существовании знали всего два или три человека. Тем более что после того, как все приказы были изданы и позиции подводным лодками нарезаны, оригинал компрометирующего документа был безжалостно сожжен, а его пепел растерт в мелкую пудру. И хоть никто и не верил, что из этого будет какой-нибудь толк, а штабные офицеры втайне думали, что любимый адмирал чудит, все указания Ямамото были исполнены с той механической точностью, которая свойственна только японцам. Надо сказать, что по сравнению с сынами Ямато даже немцы с их знаменитым орднунгом могут показаться записными анархистами.

И теперь серая туша авианосца сама лезет в прицел. В шести аппаратах подводной лодки заряжены кислородные торпеды тип-95, на данный момент лучшие торпеды в мире: боевая часть из четырехсот килограмм тринитроазола и скорость в пятьдесят узлов на дистанции в пять миль. А американский авианосец должен пройти от I-26 на значительно меньшем расстоянии. А это значит, что враг никак не сумеет увернуться от смертельного залпа... Осечки быть не должно. Тикает секундомер, отмеряя время, остающееся до того момента, когда главная цель выйдет в расчетную точку встречи с торпедным веером. И этого времени остается все меньше и меньше.

А на авианосце кипели свои страсти. Командир «Лексингтона» был шокирован и приведен в состояние тяжкого недоумения известием о том, что японская авиация нанесла массированный бомбовый удар по Перл-Харбору, что началась война и что потери пока невозможно подсчитать, что командование в растерянности, а все предвоенные планы можно смело отправить в галюнь... Но самое главное – надо что-то делать, но что именно, непонятно. Можно продолжить выполнение миссии и доставить все-таки эскадрилью «Уайлдкетов» на Мидуэй. Можно броситься на север, где предположительно находится враг, пылая жаждой мести и желанием оправдаться за поражение, а можно лечь на курс в прямо противоположном направлении, ибо один или даже два авианосца легко станут жертвой полнокровного японского авианосного соединения. Но кэптен Фредерик Шерман отбрасывает все прочее и выполняет последний приказ, направляющий корабельную группу на Мидуэй. Любое другое решение может принять только его командующий адмирал Хэлси – и то лишь в том случае, если на то будет согласие командующего флотом адмирала Киммеля. А

тот молчит. И добро бы его убило японской бомбой, и тогда командир авианосной группы был бы волен принимать решения без согласования. Так нет же – адмирал Киммель жив, здоров, и даже не оцарапан. Просто он сам растерян, как шулер, у которого из рук пинком выбили колоду карт, и не знает, что делать дальше, ибо флота, которым он собирался проводить наступательные операции после начала войны, в его руках больше нет.

И вот, наконец, вымученное решение: обоим авианосцам разворачиваться и на максимальной скорости спешить к Перл-Харбору, чтобы прикрыть базу от вражеских налетов, хотя бы палубными истребителями. Все понимают, что если оба авианосца развернутся и пойдут к Перл-Харбору полным ходом, то у цели они будут только спустя восемнадцать часов, то есть уже после наступления темноты. Но новый приказ – это все же лучше, чем никакого, и Фредерик Шерман уже готовится связаться с командирами кораблей эскорта и отдать команду на разворот походного ордера (тоже дело непростое), как вдруг матрос-сигнальщик, стоящий на площадке прямо над мостиком, вытягивает руку в направлении правого крамбола и кричит нечто отчаянно-невразумительное.

Мгновение спустя в том же направлении обращаются множество взоров, не исключая и взгляда командира корабля. И тут же выясняется причина паники матроса – прямо в направлении «Лексингтона» по воде стремительно бегут несколько цепочек пузырьков. Для каждого, хоть что-то понимающего в военно-морском деле, становится понятным, что это торпедный веер, выпущенный с японской подводной лодки, а человек опытный скажет, что, судя по дистанции, разминуться с подводной смертью у авианосца никак не получится. И напрасно вахтенный офицер дает команду «полный назад», а рулевой в отчаянье крутит штурвал, стремясь увести «Лексингтон» со смертельного курса. Кислородные торпеды, которые практикуют на японском флоте, очень быстры, и к тому же очень кусачи, а тридцать семь тысяч тонн водоизмещения авианосца обладают огромной инерцией.

Эсминец «Портер», сопровождающий «Лексингтон» со стороны правого борта, добавляет ход и буквально ловит своим бортом одну из торпед, принимая удар на себя. Мгновение – и ничего не происходит... Торпеда дальше чертит свой путь к «Лексингтону», а эсминец, закладывая циркуляцию, как гончая, кидается туда, где его гидроакустическая станция почуяла присутствие опасного подводного зверя. Осадка эсминца – три с половиной метра, осадка «Лексингтона» – девять, поэтому японские подводники, согласные только на крупную дичь, установили автомат глубины на торпедоносце на семь-восемь метров. Даже у сопровождающих

главную цель тяжелых крейсеров осадка чуть более пяти метров, поэтому, буде такое случится, торпеда пройдет у них под днищем и не взорвется. Но желающих прикрыть авианосец своим корпусом больше нет, да это и невозможно. Торпеды уже совсем близко. Одна из них, кажется, проходит перед форштевнем, но зато остальные пять идут прямо к цели.

А на японской подлодке в это время кипят горячие мгновенья. Выпустив заведомо смертоносный залп, ее командир не любит на дело своих рук, а старательно пытается избежать возмездия. Совершив рывок в сторону с полуциркуляцией, лодка стремительно проваливается в глубину, принимая в балластные цистерны воду. Пятьдесят метров, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят... Непрерывной чередой грохочут взрывы торпед. Рука капитан-лейтенанта Ёкота Минору, нервно сжимающая секундомер, невольно расслабляется. Они попали – и это главное; вражеский авианосец будет уничтожен, погибнут сотни гайдзинов, а они должны выжить, чтобы продолжать наносить по врагу смертельные удары. Погружение продолжается девяносто метров, сто... корпус гарантированно испытан на эту глубину, но лодка идет дальше, и в этот момент прямо над лодкой – такой звук, будто там пронесся скорый поезд. Это примчавшийся к месту пуска торпед американский эсминец мечет глубинные бомбы. Взрывы гремят прямо над головой, свет в лодке несколько раз мигает – но ничего страшного, к счастью, длинноносые варвары ошиблись с определением глубины. Погружение продолжается: сто десять, сто двадцать, сто двадцать пять... Хватит! Замерли! Тишина в отсеках и дышите через раз! Притаились и ждем – кто кого пересидит. А корпус лодки скрипит и жалуется под невозможным давлением океанских глубин. Сто двадцать пять метров – это запредельная глубина, и есть только одна надежда на то, что корпус субмарины совсем новый и выдержит даже такую чрезмерную нагрузку. А эсминцы там, наверху, похоже, потеряли свою цель. Ходят кругами; несколько раз сбрасывали бомбы, но все как-то в стороне, смещаясь все дальше и дальше...

А наверху суший ад и светопреставление. На самом деле из веера промахнулись две торпеды, вторая прошла прямо перед форштевнем, но зато остальные четыре исправно нашли свою цель и взорвались, украсив корпус злосчастного «Лексингтона» подводными пробоинами впечатляющего размера. Они так огромны, что в них мог бы въехать дилижанс. В моменты попадания авианосец четыре раза подбрасывало со страшной силой, в результате чего выстроенные на палубе самолеты той самой авиаэскадрильи, которую требовалось доставить на Мидуэй, по большей части попадали за борт. А те, которые еще каким-то чудом удержались, должны были в ближайшее время последовать за своими приятелями, потому что авианосец начал ощутимо крениться на поврежденный

борт.

Кроме того, одно из попаданий вскрыло емкости с авиационным горючим; разлитый по волнам бензин вспыхнул от случайной искры и теперь сторонний наблюдатель, если бы таковой нашелся, смог бы увидеть фантазмагорическую картину горящего моря... И вода тоже горит, когда по ней разлит бензин. Бушует огонь и внутри корабля, угрожая самое его важной и опасной части – хранилищам авиационного боезапаса. Крен непрерывно нарастает, и в самом ближайшем будущем неотвратимо грозит тем, что корабль просто перевернется кверху днищем. Поняв, что в ситуации, когда огонь и вода соревнуются за то, кто из них первым уничтожит «Лексингтон», авианосец уже не спасти, кэптен Фредерик Шерман приказывает команде покинуть корабль. Тяжелый крейсер «Чикаго» из состава эскорта вплотную подходит со стороны правого борта гибнущего корабля, чтобы ошвартоваться и принять к себе спасающихся от гибели людей.

И в этот момент – второй торпедный веер, на этот раз от лодки I-25, которая только и ждала своего. Торпеды опять же имеют заглубливание, так что могут поразить только авианосец, но тяжелый крейсер стоит с авианосцем борт к борту, и взрывы трех попавших в «Лексингтон» торпед с равным успехом наносят повреждения корпусам обоих кораблей. Для авианосца этот удар оказывается смертельным. Потеряв слишком много плавучести, огромный корабль погружается стремительно и неотвратимо. Впрочем, и «Чикаго» в данном случае тоже не жилец. Для него этих взрывов почти под днищем больше чем достаточно. Мгновение спустя на крейсере взрывается носовой погреб боезапаса, корабль наваливается на корпус тонущего «Лексингтона» – и в таком виде, сцепившись будто в последнем объятии, они вместе уходят на дно...

Американские эсминцы, бросившиеся к месту трагедии, в очередной раз не смогли ухватить врага и оправдаться за гибель двух кораблей, только напрасно потратили глубинные бомбы. Тем более им сейчас не до охоты. Только эсминцы могут выловить из воды и принять на борт всех, кто после случившейся трагедии очутился в воде, потому что два уцелевших тяжелых крейсера, «Портланд» и «Астория», оставив все заботы на «маленьких» (то есть на эсминцы), набрав ход, быстро удаляются в восточном направлении. Стоять здесь без хода – для них ненужный риск. После гибели «Лексингтона» именно тяжелые крейсера могут привлечь к себе внимание японских подводников, поэтому маячить без хода тут, у края огромной братской могилы, им совсем не с

руки. А эсминцы продолжают спасательную операцию, но улов их крайне скуден. Из четырех тысяч человек команд «Лексингтона» и «Чикаго» из воды удается поднять лишь полторы тысячи спасшихся моряков.

Впрочем, надо заметить, что корабельная группа TF-8 во главе с «Энтерпрайзом», тоже подвергшаяся атаке японской подводной лодки, отделалась легким испугом. Случилось так то ли потому, что в ее составе было почти в два раза больше эсминцев, то ли из-за того, что командир атакующей лодки не обладал нахальством капитан-лейтенанта Ёкота Минору, стреляя широким веером издали – и, как водится, промазал. Остальные же командиры и вовсе отказались от атаки, посчитав, что преодолеть такую плотную противолодочную оборону нереально.

6 декабря 1941 года, 22:05. 275 морских миль (450 км.) к северу от острова Оаху. Авианосец «Акаги», флагман ударного авианосного соединения.

Вице-адмирал Тюити Нагумо

Закончился этот самый долгий день. Потеряв треть боевых машин (и примерно четверть пилотов, штурманов и стрелков), авианосное ударное соединение с честью выполнило поставленную адмиралом Ямамото задачу. Американская база Перл-Харбор фактически прекратила свое существование, а все находившиеся в бухте корабли оказались потоплены или тяжело повреждены. По крайней мере, таковы были данные аэрофотографирования, произведенного в конце последнего налета уже в лучах заходящего солнца, а также доклады летчиков, участвовавших в нанесении ударов. Со слов пилотов следовало, что во время последнего налета, особенно во второй волне, цели для бомбометания приходилось искать, хотя еще утром с этим не было никаких проблем...

И хоть авиационный боезапас еще не был исчерпан, как того требовал адмирал Ямамото перед походом, на сердце командующего ударным авианосным соединением было неспокойно. После того как американские авианосцы не были обнаружены в своей базе, ему захотелось бежать отсюда сразу после завершения первого же налета. Ведь два вражеских авианосца находились в море неизвестно где. Можно было ожидать, что в любой момент они выяснят местоположение японского ударного соединения и поднимут в небо свои авиагруппы, чтобы нанести удар возмездия. В ситуации, когда местоположение

и намерения сильного врага неизвестны, из охотника очень легко превратиться в жертву. Это не банальный страх и не трусость. Туман войны, будь он проклят – опасение удара из пустоты, когда враг появляется ниоткуда, наносит разящий удар и снова исчезает в никуда.

Но вице-адмирал Нагумо, борясь с этим чувством, с честью выдержал весь день, произведя на Гавайи целых три налета, приняв при этом, разумные, по его мнению, меры предосторожности, заключающиеся в том, что во втором и особенно в третьем налете не участвовала большая часть самолетов-истребителей, отведенных в резерв на случай отражения вражеского налета. Потом пришла новость о потоплении японской подводной лодкой одного из американских авианосцев, и у адмирала немного отлегло от души, но все равно второй авианосец гайдзинов находился где-то в море и мог в любой момент нанести смертоносный удар по японским кораблям. Тем не менее, после того как задание было выполнено, а местоположение как минимум одного из вражеских авианосцев оставалось неизвестным, дальнейшее пребывание на позиции в окрестностях Гавайских островов можно было считать ненужным риском.

Поэтому, едва на палубу авианосца «Дзуйкаку» опустился последний находившийся в воздухе самолет второй ударной волны, а командир гидроавиатранспорта (плавучей базы гидропланов) «Касуга Мару» капитан 1-го ранга Такацугу доложил, что все благополучно приводнившиеся пилоты сбитых над морем японских самолетов найдены и подобраны его гидросамолетами, Нагумо вышел на связь с адмиралом Ямамото и попросил разрешения покинуть позицию, так как дальнейшее нахождение на ней стало ненужным риском. Ведь наверняка сейчас гайдзины озабочены только тем, чтобы найти и уничтожить тех, кто доставил им столько неприятностей.

К его величайшему облегчению, такое разрешение было сразу же получено[4 - На самом деле адмирал Ямамото (сам не любитель ненужного риска) рассчитывал только на два налета на Гавайи, а то, что соединение Нагумо сумело в течении одного дня сделать целых три, было просто замечательно.], и авианосная группа в полном составе на максимальной скорости, петляя подобно зайцу, за которым гонится борзая, устремилось в западном направлении. Курс ее лежал к авиабазе Куре, где авианосцы ждала заправка дефицитным топливом, а также пополнение самолетами и молодыми летчиками. Впрочем, их отдых в Метрополии будет весьма краткосрочным, если вообще будет. Ударное авианосное соединение имелось у Японии в единственном экземпляре, а мест, где требовалось его присутствие, было множество. Впереди у летчиков японской

морской авиации были южные моря и новые битвы, которые еще принесут им непреходящую славу настоящих героев.

7 декабря 1941 года, 09:15. США, Вашингтон, Белый дом, Овальная комната.

Присутствуют:

Президент Соединенных Штатов Америки – Франклин Делано Рузвельт;

Вице-президент – Генри Уоллес;

Госсекретарь – Корделл Халл;

Военный министр – Генри Стимсон;

Министр ВМС – Франклин Нокс;

Долгожданная война на Тихом океане продолжалась уже более шестнадцати часов, но сводки, поступающие в Белый дом с полей сражений, были далеко не победными, а даже наоборот, пропитанными горьким ядом поражения. Да, благодаря этой войне Соединенные Штаты вышли из самоизоляции, навязанной ей доктриной Монро, но какой ценой это произошло! Военно-морской министр Франклин Нокс вчера вечером, бегло ознакомившись со списком потерь во время первого налета японской авиации, только мрачно заметил, что это катастрофа. Потеряны пять линкоров, авианосец, тяжелый крейсер и большое количество кораблей поменьше. Он констатировал, что понадобится год или даже два, прежде чем США, напрягая все свои промышленные мышцы, сумеют нейтрализовать последствия внезапного японского удара и восстановить на Тихом океане хотя бы довоенный статус-кво. Но даже в страшном сне он не мог предположить, что утренний налет на Гавайи будет не единственным, как в другой истории...

Около полудня по местному времени японские самолеты вернулись и принялись доламывать недоломанное. На этот раз никаких торпед, только бомбы. «Калифорния», которая во время первого налета была только повреждена, получила несколько прямых попаданий и взорвалась подобно «Теннесси». Слегка

пострадавший во время первого налета «Мэриленд», со стороны левого борта прикрытый полузатопленной «Оклахомой», получил в палубу несколько десятков попаданий бронебойными бомбами, и было загорелся, что грозило взрывом погребов, но потом передумал и с небольшим креном затонул прямо на месте стоянки. Стоявшую в доке «Пенсильванию» японские пикировщики расковыряли так, что ее сорвало с кильблоков и повалило на борт. Докам и причалам во время второго налета японская авиация вообще уделила повышенное внимание. Помимо «Пенсильвании», японские самолеты прямо у стенки потопили тяжелый крейсер «Сан-Франциско» и легкий крейсер «Сент-Луис», уничтожили или тяжело повредили большое количество эсминцев, а портово-доковую инфраструктуру базы после второй бомбардировки разбили до полной негодности.

При этом легкий крейсер «Феникс», которому было приказано выйти из базы в ближний дозор, сразу по выходе из прохода подвергся торпедированию японской подводной лодкой. Дальше последовали попытка вернуться в базу при нарастающем крене и дифференте на корму и затопление у края прохода на внутренний рейд. Тральщики и патрульные гидросамолеты, предназначенные для борьбы с подводными лодками, были уничтожены или повреждены японской авиацией, так что на какое-то время вражеские субмарины получили в окрестных водах полную свободу действий. Все надежды побороть эту напасть адмирал Киммель возлагал на эсминцы и тральщики, в момент японского налета находившиеся вне базы, но до их прибытия любой американский корабль, высунувший нос за пределы внутренних вод базы, рисковал разделить судьбу несчастного «Феникса».

Вторым налетом дело не ограничилось; японские самолеты прилетели и в третий раз – скорее уже из хулиганских побуждений мешать спасательным работам, чем из какой-то реальной необходимости. Теперь они разрушили штабные и казарменные здания, подавили зенитные батареи и окончательно уничтожили остатки базировавшейся на Перл-Харбор американской авиации. Если в ходе второго налета отдельные американские самолеты-истребители еще поднимались в воздух для противодействия врагу, то третий удар за день японские самолеты наносили при полном отсутствии сопротивления. Все случилось точно так же, как утром 22 июня на советско-германской границе, когда первый вероломно-внезапный удар ломает всякую возможность сопротивления, а у торжествующего агрессора сразу оказываются развязаны руки.

А совсем недавно, буквально только что, пришло сообщение, что в то время когда в Вашингтоне была глубокая ночь, Перл-Харборская история повторилась на Филиппинах. В связи с началом войны базировавшиеся на филиппинских аэродромах Кларк и Иба – американские тяжелые бомбардировщики армейской авиации Дальневосточного региона (Far East Air Forces – FEAF) – приготовились нанести удары по японским целям в Индокитае, Китае и даже самой метрополии (дальности бомбардировщиков Б-17 хватало для нанесения ударов по Токио), но в момент подготовки к вылету сами оказались застигнуты на своих аэродромах налетом дальних японских бомбардировщиков. В результате японской авиации удалось почти полностью уничтожить их прямо на аэродромах и устранить угрозу ударов по своим глубоким тылам.

Узнав некоторые подробности этой истории, президент Рузвельт принялся материться как портовый грузчик. Несмотря на то, что воздушное командование на Филиппинах было предупреждено о возможности внезапного удара японской авиации, подготовка к налету проводилась как в мирное время – совершенно открыто, без мер маскировки, истребительного прикрытия и развертывания дополнительных зенитных батарей. Кроме всего прочего, перегнанные из Соединенных Штатов бомбардировщики так и не удосужились перекрасить в защитный цвет, и их серебристая раскраска была очень хорошо заметна среди буйства филиппинских джунглей, а мелкокалиберные зенитные установки, прикрывающие аэродромы, имели недостаточную досягаемость по высоте. Но самой отвратительной была все же организационная сторона случившейся истории. Получив сообщение о том, что произошло на Гавайях и категорическое требование не допустить повторения чего-нибудь подобного, с наступлением утра, в восемь часов тридцать минут, командование FEAF подняло в воздух сильную истребительную группировку с приказом любой ценой отразить утренний налет японской авиации. Скорее всего, сработал штамп, что внезапное нападение непременно должно произойти рано утром.

Но время шло, а японцы не спешили появиться. Проведя в воздухе без толку два часа и полностью выработав горючее, истребители вернулись на аэродромы, после чего техники приступили к обслуживанию техники, а пилоты расселись по джипам и отправились на завтрак. На часах в этот момент было десять часов тридцать минут. Японская бомбардировочная армада, вылетевшая с Формозы в направлении филиппинских аэродромов, уже целый час находилась в воздухе, но американское командование об этом и не подозревало. В одиннадцать часов тяжелые бомбардировщики получили приказ готовиться к первому боевому вылету, и на стоянках Б-17 закипела бурная деятельность по заправке самолетов топливом и подвеске бомб.

Полчаса спустя, в одиннадцать тридцать, американские радары все-таки обнаружили приближающуюся японскую бомбардировочную армаду, но почему-то решили, что целью налета предполагаются столица Филиппин Манила, военно-морская база Кавита, или береговые укрепления и склады американской армии на полуострове Батаан. Почесав маковку от столь противоречивых выводов, командование FEAF разделило свои боеготовые истребительные силы на три части и отправило их на прикрытие объектов, которые, как оно полагало, находились под угрозой бомбардировки. При этом для прикрытия самих авиабаз не было оставлено ни единого готового к вылету истребителя. Примерно в полдень истребители улетели, а в двенадцать двадцать семь приближающаяся к аэродромам вражеская армада была уже слышна простым ухом и видна невооруженным глазом.

Вот тогда-то все и забегали, но было поздно. Японские средние бомбардировщики накрыли авиабазы бомбами с высоты в шесть тысяч метров, куда не доставала зенитная артиллерия. Напрасно тявкали «бофорсы» и «эрликоны», предназначенные для стрельбы вверх на два-три километра; все то, что они должны были прикрывать, оказалось уничтоженным первым же ударом. Но и это было еще не все. Вскоре в воздухе над авиабазами, подобно стаям разъяренных ос, появились «зеро» с красными кругами на крыльях – в ручном режиме, пушками, пулеметами и мелкими бомбами они устранили недоделки коврового бомбометания, искрошив отдельные уцелевшие самолеты и подавив зенитные орудия. В итоге, когда истребители, вылетевшие на прикрытие объектов, которым ничего не угрожало, спешно вернулись к родным аэродромам, они нашли их разоренными, сожженными и непригодными к дальнейшему базированию. Вот так японцы одержали вторую эпическую победу за первые сутки, а американская группировка на Филиппинах целиком лишилась истребительного прикрытия.

Именно по этому поводу в Вашингтоне и было назначено это до неприличия раннее совещание. Вопрос о том, что делать дальше и как громить Японию, из сугубо теоретической плоскости переходил в практическое состояние. Когда Рузвельт получил предупреждение, что его игры с поддразниванием японцев непременно кончатся войной, он подумал, что так все и должно быть, только врага надо встретить во всеоружии, отразить и уничтожить, а не допускать тяжелых потерь. Поводом же к войне может стать и не совсем удачное нападение японцев, когда врага быстро останавливают и гонят обратно. Но он просчитался. То есть все вышло так же, как и в другой истории, только значительно хуже: три удара по Перл-Харбору вместо одного и потеря

авианосца «Лексингтон» вкупе с тяжелым крейсером «Чикаго» в качестве своего рода штрафного бонуса.

Некоторые обстоятельства заставляли Рузвельта подозревать, что японцы одним глазком тоже заглядывали в шпаргалку из будущего. Одним – это потому, что будь Япония полностью в курсе раскладов, сложившихся вокруг ситуации на Тихом океане, она ни за что не начала бы войну, а просто проигнорировала бы пресловутую ноту Халла и в первую очередь атаковала бы на Тихом океане голландские и британские территории. Долго голландцы с британцами не продержались бы, а Америка бы в войну так и не вступила, потому что изоляционистски настроенный Конгресс ни за что не дал бы президенту полномочий, необходимых для начала боевых действий. Сейчас этот вопрос был решен, но и цена за это решение оказалась значительно большая, чем было внесено в предварительную смету.

– Мистер Стимсон, – недовольным голосом произнес президент после некоторых размышлений, – вы можете объяснить, как так получилось, что мы, вооруженные знанием о грядущих событиях, изо всех сил готовились к японскому нападению, а в результате сыграли даже хуже, чем в прошлый раз, а японцы вели себя так нагло, как будто знали все наперед и не стесняясь использовали это знание для нанесения нам максимального ущерба?

– Э-э, мистер президент... – ответил военный министр, – наши генералы и адмиралы – самые упрямые и самоуверенные в мире. Они от рождения уверены, что им на их местах лучше нас известны все возможные обстоятельства, а полученные из Вашингтона советы и инструкции годятся только на то, чтобы сразу о них позабыть, запив добрым глотком виски. Что касается действий японцев, то я думаю, что их разведка могла что-то случайно разнюхать. Информация, передаваемая из Москвы, перебивалась в руках у чертовой уймы народа, и среди них вполне мог оказаться японский агент или человек, непроизвольно снабдивший такого агента секретной информацией. Но и японцы, получив доступ к секрету, продолжали верить исключительно в то, во что им хотелось, а потому все-таки начали эту войну, а не прокатили нас на бобах.

– А если, – сказал министр ВМС Франклин Нокс, – утечка произошла непосредственно из Москвы? Я имею в виду, что, одновременно предупреждая нас, дядюшка Джо и его любимый племянник мистер Путин немного поделились информацией и с противной стороной... Правда, при этом я совершенно не понимаю, зачем им нужно было это делать. Ведь мы союзники – по крайней

мере, до тех пор, пока в Германии жив и продолжает действовать этот плохой парень по имени Гитлер...

- Вот именно, - хмыкнул вице-президент Уоллес, - мы союзники, по крайней мере, до тех пор, а следовательно, не настоящие союзники, а лишь временные попутчики, будущие противники, а может, и враги. Ведь у нас, как и у наших кузенов, нет постоянных союзников и постоянных врагов, а есть только постоянные интересы. При этом, возможно, мистер Путин знает об этом на собственном опыте, ведь он живет в мире будущего, вместе с нашими потомками, которые могли натворить чего-то такого, что Америка и Россия стали смертельными врагами, а дядюшка Джо о таком будущем либо напрямую осведомлен, либо просто догадывается... Вспомните, как тридцать пять лет назад ваш дядя Теодор Рузвельт помогал маленькой Японии одержать верх над огромной Россией. И делал он это далеко не из филантропических побуждений, а лишь потому, что его об этом попросили весьма влиятельные люди, которые из поколения в поколение ненавидят русских. Вы думаете, что эти силы куда-то делись или стали менее влиятельны? Отнюдь нет. Они по-прежнему сильны, по-прежнему ненавидят русских и готовы перехватить у вас власть, как только настанет удобный момент...

- Мистер Уоллес, - пожал плечами Рузвельт, - я догадываюсь, о ком вы говорите. Но должен вам заметить, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется, а от небольшого ухудшения наших начальных позиций не изменится и результат в американо-японской войне. Революции у нас точно не будет, а при прочих равных экономическая мощь Соединенных штатов, раскрученная на полные обороты, рано или поздно сотрет японскую империю в порошок. При этом чем хуже будут эти самые начальные позиции, тем выше будет прибыль тех самых деловых кругов, на которых вы мне сейчас намекнули. В возникшей ситуации я скорее склонен винить как раз их. Как говорили старики-римляне, «ищи кому выгодно»...

- А как же тогда, - спросил министр ВМС, - японцам удалось обнаружить и атаковать обе наши авианосные группы? Ведь, как докладывает адмирал Хелси, у него возникло впечатление, будто японские субмарины их там специально ждали. И ведь точно - там, в прошлом мистера Путина, не было никаких атак на авианосцы...

- В прошлый раз, - опять пожал плечами Рузвельт, - все произошло сутками позже, когда наши корабли находились совсем в других местах. Возможно, что

это случайное совпадение. А все из-за того, что японцы, узнав, что мы предупреждены, сдвинули дату своего нападения на сутки. Я попросил составить аналитическую записку, посвященную этому Ямамото, и выяснилось, что это не человек, а настоящий дьявол. Но уж точно чего он не будет делать – есть с рук у русских. Для этого он слишком гордый и умный.

– Возможно, – сказал госсекретарь Корделл Халл, – что дядюшка Джо или мистер Путин тут ни при чем, а утечка произошла на другом, сугубо частном уровне...

– Хватит болтать на эту тему, джентльмены, – резко произнес Рузвельт, – а то мы черт знает до чего договоримся. Пусть официальной версией нашего правительства будет утечка информации из одного из наших ведомств. Впрочем, сейчас нам следует не искать виновных, а думать о том, как с наименьшими потерями выйти из данного положения, а также наилучшим образом использовать сложившуюся ситуацию. Какие будут мнения по этому поводу?

– Тихоокеанскому флоту, – сказал вице-президент Уоллес, – точнее, тому, что от него осталось, нужен новый командующий. А нынешнего, как не справившегося со своими обязанностями, следует отозвать и как следует потряхнуть на тему того, с чего это он был уверен, что японцы «не посмеют». После всего, что случилось, Конгресс будет на нашей стороне и никаких препятствий в его отстранении не возникнет. Это надо же – получить заблаговременное предупреждение о нападении и так глупо и бездарно спустить все в клозет. Помнится, полгода назад у дяди Джо в аналогичной ситуации генералов без всякой жалости отправляли на электрический стул, хотя они никакого предупреждения и не получали... Быть может, встав перед фактом судебного преследования и смертного приговора, мистер Киммель будет более откровенен с людьми, которым предстоит расследовать это грязное и весьма зловонное дело.

– Сейчас, – сказал министр ВМС, – от Тихоокеанского флота осталось так мало, что это даже не стоит упоминания, и основу уцелевших сил составляет авианосная группа адмирала Хэлси. В отличие от Киммеля, это моряк, а не кабинетный шаркун, и если кто-то знает, что можно сделать для спасения ситуации на месте, так это он. В любом случае, если присылать человека со стороны, то он должен потратить время на изучение ситуации, а адмирал Хэлси уже находится в курсе всего происходящего...

– Франклин, – с серьезным видом спросил Рузвельт, – вы предлагаете назначить адмирала Хэлси командующим Тихоокеанским флотом? Не слишком ли

стремительная карьера?

– Я предлагаю, – сказал Франклин Нокс, – назначить его пока исполняющим должность командующего. Справится – дать временное звание адмирала и перевести в полноправные командующие. Не справится – прислать на смену подходящую кандидатуру, а адмирала Хелси отправить обратно командовать своими авианосцами. В любом случае после этого разгрома флот будет приходить в себя никак не меньше полугода, а то и побольше.

Немного подумав, Рузвельт нажал на кнопку электрического звонка, вызывающего пожилого слугу-филлипинца, который и катал коляску с президентом по Белому дому.

– Хорошо, джентльмены, – сказал он, – так мы и сделаем. Что же касается наших взаимоотношений с дядюшкой Джо и мистером Путиным, то давайте дождемся результатов визита в Москву моего специального представителя Гарри Гопкинса и моей супруги миссис Элеоноры Рузвельт. Если кто и способен привезти нам ответы на заданные здесь вопросы, так это только они. Но на сегодня наша встреча закончена, я устал. Мартин, отвези меня в спальню и передай, что я просил не беспокоить.

8 декабря 1941 года, Полдень. Баренцево море, горло Кольской губы, 20 морских миль к северу от Мурманска, тяжелый крейсер US Navy CA-31 «Огаста» (Augusta).

Элеонора Рузвельт, супруга и единомышленница 32-го Президента США Франклина Делано Рузвельта

Север России – это страшное место, зимой похожее на преддверие скандинавского ада Ниффелхейма. Сейчас полдень, но кругом черным-черно; и лишь горящие над головой звезды, сполохи полярного сияния, да горящее на горизонте прямо по курсу багровое закатное зарево освещают наш путь среди черных, никогда не замерзающих вод. Еще это место напоминает мне Стикс, реку мертвых: так и кажется, что сейчас из-за поворота выплывет старик Харон и потребует плату за перевоз. Рядом со мной на палубе крейсера стоит Гарри Гопкинс; когда он был в этих краях в прошлый раз, все было наоборот и вместо полярной ночи стоял полярный день. Против обыкновения, он собран и неразговорчив. Наверное, его одолевают те же самые мрачные мысли, что и

меня.

Дело в том, что сегодня за завтраком всей команде линкора, и нам тоже, сообщили, что шестого декабря, без объявления войны и без предъявления дипломатических претензий, Японская империя произвела внезапное нападение на американские силы на Тихом океане. И если на Филиппинах число жертв относительно невелико (ведь пострадали только летчики на авиабазах), то в Перл-Харборе в результате японской бомбежки погибло не менее десяти тысяч военных и гражданских... Еще примерно столько же людей, которых никто не видел ни мертвыми, ни живыми, объявлены пропавшими без вести. В результате случившегося Америка теперь находится в состоянии войны с Японией, а по всей ее территории объявлен траур по погибшим во время вероломного нападения.

Услышав об этом, мы все были в шоке и не понимали, как такое могло произойти. Сразу после завтрака состоялось заупокойное траурное богослужение. Команду крейсера выстроили на палубе и, пока капеллан читал заупокойные молитвы и взывал к Богу, прося о справедливости и милосердии, в голове моей отчаянными птицами бились мысли: «Так это все-таки произошло! Японцы разгромили нашу базу в Перл-Харборе... Чудовищное побоище состоялось... Состоялось, хотя никто не мог предположить подобного – ведь об этом предупреждали русские из будущего!»

После траурного богослужения я не могла найти себе места. Впрочем, на корабле практически все пребывали в похожем состоянии. Мне хотелось с кем-то поговорить, но я видела, что мой обычный собеседник Гопкинс не настроен вести беседы. Как только он узнал об этой страшной трагедии, он стал мрачно молчалив и задумчив, втягивать его именно сейчас в разговор было бы не вполне уместно. Наверное, он был осведомлен о тайной подоплеке этого дела гораздо больше моего, и поэтому так тяжело переживает случившееся. Может, я поговорю с ним позже...

Запершись, я ходила по своей каюте из конца в конец. Что я ощущала? Трудно сказать определенно. Скорбь, возмущение, гнев... Ведь это просто уму непостижимо – в Перл-Харборе погибло более десяти тысяч человек, и это только по предварительным подсчетам! И присутствовало еще одно чувство. Изумление – вот что окрашивало в определенные тона остальные мои эмоции. Да, изумление – потому что ЭТОГО не должно было случиться...

Я всегда умела вовремя брать себя в руки. Так произошло и на этот раз. Когда прошла первая острая реакция, я стала размышлять уже более холодно и отстраненно – только так можно было нащупать истину и найти случившемуся объяснение.

Я вспомнила тот разговор с мистером Гопкинсом неделю назад – он как раз обрисовывал мне ситуацию с Перл-Харбором. Я тогда не заострила внимания на его словах. Я была уверена, что Фрэнки постарается не допустить столь масштабной трагедии. Мало ли что думал самоуверенный болван Киммель – предупреждение русских из будущего должно было обусловить совершенно однозначную линию поведения президента. Но все вышло совсем не так... Фрэнки, похоже, не смог ничего добиться, и полученное нами предупреждение вообще никаким образом не повлияло на развитие событий...

Неужели Киммелю удалось убедить тех, от кого зависело его назначение, в том, что Фрэнки напрасно паникует и у японцев не хватит духа атаковать Соединенные Штаты? К сожалению, приходилось признать, что я мало вникала во взаимоотношения нашей страны с Японией, а также мало знала об интересе к этим отношениям со стороны различных политических и финансовых групп. Все это как-то ускользнуло из сферы моего внимания... А зря. Иначе я, возможно, смогла бы еще заранее повлиять на мужа, и беды удалось бы избежать... А впрочем, мне тоже не стоит быть такой самоуверенной. Ведь иногда Фрэнки тоже бывает бессилён, и случается это тогда, когда против него ополчаются интересы крупного капитала ...

Мозг мой лихорадочно работал – и постепенно картина прояснялась. И по мере того как она прояснялась, мне было все страшней сформулировать верный вывод... Но от истины нельзя спрятаться. Она все равно однажды настигнет – и тогда будет еще больнее...

Итак, в Америке есть влиятельные силы, которым БЫЛО НУЖНО, чтобы это нападение состоялось. Мой муж, скорее всего, тоже был среди них, но он хотел, чтобы все прошло по мягкому варианту с минимумом жертв. С его точки зрения, предупреждение надо было использовать для того, чтобы отразить нападение и перейти в наступление на японские позиции. Но тем влиятельным силам такого варианта развития событий было совершенно недостаточно. Им нужна была великая трагедия, сакральная жертва с тысячами погибших американцев, чтобы у каждого мужчины от восточного до западного побережья глаза затмевало от ярости. Что может быть страшнее, чем огромная и сплоченная нация,

обуреваемая жаждой возмездия? К тому же теперь уничтоженный в Перл-Харборе флот придется строить заново, а это предвещает просто астрономические прибыли для заинтересованных в этом финансовых воротил. Ведь каждый городской архитектор мечтает о пожаре, каждый стекольщик молит Господа о граде, и только страховая компания трясется, как Шейлок, над каждым никелем[5 - Никель – американская монета в 5 центов.].

С адмиралом Киммелем наверняка все уже было решено и отрепетировано заранее, и эти люди, которых я даже не хочу называть людьми, не моргнув и глазом, принесли в жертву богу политической целесообразности жизни нескольких тысяч американских моряков... Только ради чего эта жертва? И это тоже понятно – ради будущего мирового господства... Но, Боже, о каком мировом господстве можно говорить, когда где-то на русской территории есть Врата, за которыми скрывается Россия Будущего?! Пока нам неведомы ни ее настоящее могущество, ни ее истинные цели и задачи, говорить о возможности достижения мирового господства мне кажется как минимум преждевременно и... опасно. Ведь мало кто понимает, что именно эта держава, проникшая в наш мир пока только «кончиком мизинца», в настоящий момент является основным актором мировой политики.

Достаточно вспомнить, как стремительно и жестоко ее солдаты разгромили Третий Рейх, между прочим, тоже претендующий на мировое господство. И то, что Гитлер до сих пор не добит в своем логове – только следствие того, что исторические процессы обладают определенной инерцией, и такую огромную силу, как германская армия, невозможно сломать ни за пару месяцев, ни за полгода. Но рано или поздно это случится – и тогда дядя Джо и мистер Путин оглянутся вокруг и спросят: «А кто это еще тут желает мирового господства?»

Именно поэтому главным вопросом, который поставил передо мной Фрэнки, отправляя в эту поездку, было: «Кто он, мистер Путин, и чего он хочет?» – потому что в одиночку дядя Джо и на десятую долю не так опасен, как в компании этого человека.

Ах, Фрэнки, Фрэнки, ведь и ты тоже не такой милый и хороший, каким хочешь казаться... Ведь тебя предупреждали, что твои дипломатические игры в отношении Японии (а самое главное, ультиматум Халла, составленный в самых недвусмысленных и уничижающих выражениях) приведут к тому, что японцы смогут сохранить лицо только через объявление войны Соединенным Штатам... Там, на Востоке, такие оскорбления обычно смывают кровью врага. Тебя

предупредили, и все равно ты сделал все так же, как и в другой истории – предъявил ультиматум и дождался его результатов, то есть войны. Ты ведь тоже хотел этого – возможно, не в таком ужасном виде, как вышло, но все равно хотел. Война показалась тебе прекрасным выходом из той блестящей самоизоляции, в которую Америку загнала доктрина Монро. В то время когда другие страны сражаются за передел мира, отрывая себе жирные куски, Америка была вынуждена сидеть на своем континенте и только облизываться.

Так вот какой ты, Фрэнки... отчаянный... Ты воспринял предупреждение мистера Путина только как средство минимизировать наши потери в начале конфликта. Ты сделал на это ставку и... проиграл. Жертв среди американцев оказалось значительно больше, чем ты рассчитывал, и даже значительно больше, чем было в прошлом варианте истории. Но почему я рассуждаю о тебе в таких щадящих эпитетах? Ведь получается, что ты настоящее чудовище! Хитрый, хищный, беспринципный политикан, миллионами посылающий молодых американцев на смерть ради призрачных «национальных» интересов. Это именно на твоей совести жизни этих молодых ребят, что погибли в Перл-Харборе. Боже! Неужели ты и вправду на такое способен?! Не схожу ли я с ума?

Так, спокойно. Наверняка Фрэнки не представлял себе истинных последствий своей манипуляции. Он просто просчитался, не представляя, во что все выльется. Повод – вот единственное, что ему было нужно. Теперь повод применить к Японии силу у него, бесспорно, имеется, да только силе-то этой нанесен просто невообразимый ущерб... Понадобятся месяцы и, может быть, годы для того, чтобы восстановить потерянное. А если будет вскрыта подоплека происходящих событий, то может пострадать и политический авторитет Фрэнки. Кто же ему поверит, что он не хотел такого катастрофического результата и вообще действовал только из самых лучших намерений... Ведь, как говорится, благими побуждениями устлана дорога в ад – и ты уже сделал по ней несколько шагов.

Испытывая сильнейшее душевное волнение, пытаюсь унять нервную дрожь, я полезла в карман за своим брелоком. Мне было необходимо сейчас же высказать «сидящему идолу» все, что я думаю. И вот он лежит передо мной на столе – неведомый ацтекский божок, так удивительно похожий на моего мужа, что это носит оттенок мистики... Руки идола чинно сложены на коленях, а лицо повернуто ко мне с выражением пренебрежительного внимания; кажется, одновременно он прислушивается к чему-то еще...

Фрэнки, Фрэнки! Что же ты наделал?! Как же ты теперь оправдаешься перед американским народом за тех солдат, что погибли так нелепо? В этом – твоя и только твоя вина. Ты лжец и лицемер... Ты намеренно подставил тех ребят, бросив их в огненный ад, для тебя ничего не стоило швырнуть их жизни на алтарь твоих амбиций – ты знал, что им придется погибнуть... Конечно, ты можешь ответить, что все произошло немного не так, как ты предполагал, в связи с чем жертв оказалось намного больше – но разве это снимает с тебя вину?

О, Фрэнки... Что теперь ждет нас, после всего того, что ты натворил? Мне кажется, отныне над Америкой будет висеть черная туча, которую уже ничем не развеешь... А что ты скажешь своим сыновьям? Тебе всегда было важно выглядеть перед ними порядочным человеком и патриотом... Как ты будешь смотреть им в глаза, и вообще – в глаза тех вдов и матерей, которых страшное горе застало так неожиданно, на фоне мирного и безоблачного существования? Ведь ты же знаешь, что не злобные японцы – нет, не они – ты, ты сам виноват в том, что произошло! Да, у тебя сейчас развязаны руки – общественность, охваченная «праведным гневом», начнет призывать к мщению, – но ведь это исключительно следствие твоих преднамеренных действий, а не только подлости и кровожадности японской нации! Японцы таковы, потому что такими их сделала жизнь на суровых бесплодных островах, но ты, Фрэнки, без зазрения совести манипулировал этими злыми детьми природы, и все, что они натворили, находится на твоей совести. Точно так же сейчас ты манипулируешь собственными согражданами, вызывая в них чувство благородной ярости. Ведь когда враг так злобен и коварен, по отношению к нему допустимо все, не так ли... Мне даже сложно представить, до каких пределов низости и жестокости могут опуститься наши американцы, если будут считать, что творят над подлыми японцами справедливое возмездие.

Фрэнки, ты все еще мечтаешь о мировом господстве для нашей Америки... Как не хочется тебе прощаться с этой сладкой грезой, даже несмотря на то, что русские из будущего уже вмешались в ход истории... Как же ты самонадеян! Что ж, я думаю, если бы все шло свои чередом, и не было бы вмешательства России из другого мира – твоя задумка вполне могла получиться. Но теперь... Теперь мне остается только воскликнуть: «Боже, спаси Америку!» Но мы с тобой в одной лодке, Фрэнки, и я тебя не оставлю одного расхлебывать последствия твоей глупости. Если будет надо, я готова на, все лишь бы спасти нашу страну...

Пройдет еще совсем немного времени, и «Огаста» прибудет в Мурманск. Правда, как говорил мистер Гопкинс, оттуда нам до Москвы еще ехать поездом никак не

меньше двух суток. А потом – не знаю, как я этого добьюсь, – я обязательно должна попасть за Врата и встретиться с мистером Путиным. Только у него я смогу узнать ответы на все вопросы, которые так интересуют Фрэнки и от которых зависит жизнь или смерть нашей Америки.

9 декабря 1941 года, 10:55. Японская империя, Токио, Правительственный квартал Касумигасэки, Главный штаб Объединенного флота (Кайгун гунрэйбу).

Присутствуют:

Командующий Объединённым флотом – адмирал Исороку Ямамото;

Начальник Главного штаба флота – адмирал Нагано Осами.

В здании Главного штаба объединенного флота стоит тишина. Не то чтобы там никого нет, но служащие ступают почти бесшумно и разговаривают тихими голосами. Здесь творится политика, планируются победоносные операции и пишется история. Да-да, политика. Политические партии в императорской Японии – это фикция, ширма из бамбуковых реек и рисовой бумаги. Настоящую политику определяют две крупнейшие корпорации, Армия и Флот, ведущие между собой непримиримое противоборство, и арбитр над ними – только сам божественный Тэнно. И хоть у официальной власти сейчас находится представитель Армии, генерал Тодзио, совсем недавно Флот одержал важнейшую политическую победу, рассеяв надежды Госпожи Армии, что дальнейшая экспансия Японии пойдет по так называемому «северному пути».

Совершенное же безумие, господа! Двадцать лет назад Госпожа Армия, пытавшаяся завоевать беззащитную, казалось бы, Сибирь, просто сбежала от плохо вооруженных русских партизан, едва на горизонте замаячили штыки регулярных большевистских формирований из Центральной России. Еще раньше была тяжелейшая война с Российской империей за контроль над Квантунской областью и Кореей, победа в которой была вымучена Госпожой Армией только огромным количеством жертв. Планировали легкую прогулку, а получили тяжелое кровавое побоище, стоившее маленькой Японии жизнью трехсот тысяч солдат и офицеров. Флот свою задачу выполнил с блеском, Цусимское сражение поставило крест на русском военно-морском могуществе, а вот на сопках Маньчжурии и при штурме Порт-Артура все висело на волоске.

Будь у русских другой император, все могло кончиться печально, несмотря на все победы флота. В сопках Маньчжурии броненосцы и крейсера – это только призраки на горизонте, там все решает самурайское упорство бойцов, которого русским не занимать. То же самое показал недавний инцидент при Номонкане, а именно: что продвижение в северном направлении будет стоить таких жертв, которые Империя Ниппон никак не может себе позволить. Да что там русские; Госпожа Армия вот уже четыре года никак не может справиться с китайскими бездельниками...

Именно поэтому император Хирохито после длительных размышлений решил, что Япония будет расширяться не на север, а на юг, в сторону теплых тропических морей, где белые европейские колонизаторы держат в рабстве тихих покладистых туземцев.

Но такое решение не одобрили в Лондоне и Вашингтоне. Вчерашние друзья, помогавшие становлению Империи Восходящего Солнца, обнаружив, что Япония уходит с «северного пути», тут же стали ее врагами. Продвижение японских интересов во Французский Индокитай (а на самом деле его прямой военный захват) англосаксонские державы сочли за крайне недружественный шаг, после чего последовали экономические санкции.

В 1940 году, сразу после того, как Японская армия заняла Французский Индокитай, американское правительство запретила экспортировать в Японию станки, оборудование, машины, самолеты и авиационный бензин, а в июле 1941 года, после нападения Гитлера на СССР, был запрещен и экспорт сырой нефти. И если по первоначальному плану в Токио планировали прибрать к рукам только выморочную голландскую Ост-Индию вместе с нефтяными месторождениями и плантациями каучуковых деревьев, так необходимыми японской экономике, то после введения американских экономических санкций встал вопрос: «все или ничего».

В японском правительстве полагали, что на захват Голландской Ост-Индии янки и лаймы непременно ответят объявлением войны. Ведь после захвата ост-индийских нефтяных месторождений Япония обретет невосприимчивость к американскому санкционному экономическому диктату, и после этого привести ее к покорности можно будет только силой оружия. В случае внезапной американской агрессии Страна Восходящего Солнца, была бы вынуждена сражаться против янки в гораздо худших условиях, как если бы война началась

по ее инициативе. Таким образом, с момента введения экономических санкций наступательная война против США становилась для Японии все более вероятной, а с момента получения ноты Халла, неожиданно последовавшей вместо ожидавшегося благополучного завершения американо-японских переговоров, превращалась в неизбежность.

Правда, при этом оставались два пути ведения такой войны. Первый – оборонительная война, в которой японский флот, как слабейший, сражался бы с атакующими янки в своих водах, на заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции и при поддержке береговой авиации (именно к такой войне готовился адмирал Киммель). Игра от обороны, конечно, сводила риски к минимуму, но при этом оставляла инициативу противнику, что было чревато внезапным нападением в тот момент, когда японский флот будет очень сильно занят в другом месте. А американские бомбардировщики обладали вполне достаточным радиусом действия, чтобы, взлетая с филиппинских аэродромов, сбрасывать бомбы на Токио. Сторонником такого вида ведения боевых действий был присутствующий здесь начальник штаба Объединенного флота адмирал Нагано Осами, и это при том, что он одновременно был еще и сторонником как раз южного пути продвижения.

Командующий Объединенным флотом адмирал Ямамото, напротив, предпочел бы дерзкие наступательные действия, которые сразу разрушат довоенные планы противника и вынудят его отчаянно обороняться, вместо того чтобы нападать на японские территории. Атака на Перл-Харбор – это его идея в стиле тактики великого адмирала Того. Он сделал ставку на наступательную стратегию – и победил. При этом, если набег японских миноносцев на Порт-Артур в самой завязке русско-японской войны только чуть пощипал русский флот, не потопив ни одного боевого корабля, то удар палубной авиации по Перл-Харбору почти полностью уничтожил базирующиеся там американские военноморские силы. Теперь японскому флоту на Тихом океане на какое-то время обеспечено безоговорочное господство, что наверняка позволит создать вокруг Метрополии определенный «радиус безопасности» и подгрести под себя самую ценную недвижимость, вrede уже упомянутой Голландской Ост-Индии.

А дальше задача тоже не решалась. Наступательная стратегия была более выгодна, чем оборонительная, но настоящая победа в войне могла наступить только в том случае, если бы Америка сама отказалась от продолжения борьбы, не прибегнув к своему главному козырю – непревзойденной экономической мощи и многочисленному населению. А вот на это надеяться было никак нельзя:

разъяренные янки наверняка сделают все, чтобы полностью уничтожить тех, кто с самого начала войны сумел макнуть их мордой в грязь, и не один раз. Удар, спланированный Ямамото, получился для них не только болезненным, но и унижительным, и теперь они изо всех сил будут стараться уничтожить Японскую империю. Для того, чтобы выработать наиболее приемлемую стратегию, и сошлись в этой комнате два адмирала, которые в обычной жизни выказывали друг к другу полную нетерпимость.

Но первым делом адмирал Нагано поздравил своего оппонента-начальника с успешно проведенной операцией. Мол, я был не прав, примите мои извинения и искренние восхищения, и прочее бла-бла-бла-бла... и все это с типично японскими реверансами и раскланиваниями. И хоть оба собеседника носили одинаковые звания и занимали сопоставимые должности, адмирал Нагано понимал, что замена ему в любой момент найдется, а вот адмирал Ямамото существует в единственном числе... Зато главнокомандующий, как и все по-настоящему великие люди, был выше подобных мелочей. Сейчас его интересовало другое.

Удачно начать войну – это только часть дела; удачно ее закончить в условиях, когда за противником подавляющий промышленный перевес, будет значительно тяжелее. Сейчас, когда враг подавлен и деморализован первыми неудачами, необходимо стремительное безоглядное наступление. Но людские и материальные ресурсы страны Восходящего солнца отнюдь не безграничны. Неизбежно наступит такой момент, когда это наступление захлебнется, столкнувшись с возросшим сопротивлением и нехваткой сил для дальнейшего продвижения вперед. Где та граница, за которой следует остановиться, чтобы перейти к обороне, и в каком направлении рациональнее всего будет продвигаться, чтобы не расходовать попусту драгоценные ресурсы?

– Несомненно, – сказал Ямамото адмиралу Нагано, – как и планировалось до войны, первый удар следует нанести по Филиппинам, Голландской Ост-Индии, Британскому Борнео, Малайе и Сингапуру. Этот регион имеет для Империи важное геополитическое и ресурсное значение и потому он должен быть захвачен как можно скорее. Японская промышленность нуждается в каучуке, оловянной руде и нефти. Крайняя точка продвижения – остров Тимор, который станет оборонительным редутом против любых попыток гайдзинов отбить обратно наши приобретения...

– Исороку-сама, – спросил удивленный адмирал Нагано, – а как же Новая Гвинея, Новая Британия и Соломоновы острова, захват которых по предвоенным планам должен был следовать за Голландской Ост-Индией?

– Остров Новая Британия, с авиабазой Рабаул, – жестко ответил Ямамото, – брать необходимо в обязательном порядке, остальное нет. Дальнейшую активность в этом направлении стоит только имитировать в порядке дезинформации, чтобы ввести противника в заблуждение...

– Но, Исороку-сама, – воскликнул адмирал Нагано, – наши предвоенные планы предусматривали совсем другой порядок операций...

– Нагано-сама, – сказал Исороку Ямамото, – вы видели, как ловят мух на липкую бумагу[6 - Бумажная липучка для мух, изобретенная немецким кондитером Теодором Кайзером, широко известна с 1910 года.]? Так вот, Новая Гвинея и Соломоновы острова – это как раз такая большая липучка, только прилипнуть к ней должны не мухи, а японские солдаты. Эти огромные, труднодоступные территории с небольшим количеством пригодных для освоения ресурсов можно было бы использовать как промежуточный этап при высадке на территорию Австралии, но, к сожалению или к счастью, для операции подобного масштаба у нас недостаточно солдат и десантного тоннажа. Госпожа Армия никак не может вытянуть свои ноги из китайского болота, и замахиваться в таких условиях на Австралию – совершеннейшее безумие...

Видя, что главнокомандующий еще не закончил свое высказывание, адмирал Нагано продолжал почтительно молчать.

– Все наши операции в Южных морях, – продолжил адмирал Ямамото, – следует завершить к концу марта будущего года, после чего ударные соединения необходимо сконцентрировать в Метрополии для подготовки операций второго этапа войны. Оборона достигнутых рубежей при этом должна быть возложена на береговую авиацию и армейские подразделения... Пусть враг думает, что мы готовимся к атаке Порт-Морсби или острова Бугенвиль и концентрирует там свои силы. На самом деле мы появимся в другом месте и нанесем ему внезапный уничтожающий удар там, где он нас не ждет...

Выдержав паузу, главнокомандующий заговорил вновь:

– Нанеся внезапный удар по Перл-Харбору, мы ослабили, дезорганизовали и деморализовали американский флот, и теперь можем рассчитывать, что в течение ближайших четырех месяцев он полностью выпадет из игры и не будет мешать нам овладеть южным ресурсным регионом. Но это еще не конец партии. За четыре месяца янки оправятся, подтянут корабли из Атлантики, подвезут снабжение, отремонтируют портовую инфраструктуру и будут готовы укусить нас в самом подходящем для этого месте – в расчете на то, что наши силы распылены по южным морям и не способны парировать их удар. А мы в это время, собрав все силы в кулак и мобилизовав сэкономленные людские ресурсы, еще раз ударим по Перл-Харбору, на этот раз исходя из необходимости захватить и удержать этот важнейший стратегический пункт. Можно сказать, кто владеет Гавайями, тот владеет и Тихим океаном.

– Исороку-сама, – покачал головой адмирал Нагано, – это очень рискованный план...

– Да, Нагано-сама, – утвердительно кивнув, ответил Ямамото, – рискованный. Но вся проблема в том, что остальные планы просто безнадежны. Если мы будем воевать по правилам, то через два-три года нас неизбежно сомнут. Вместо потопленных нашей авиацией в Перл-Харборе восьми устаревших линкоров времен прошлой войны, в строй у янки через три года войдут десять новейших сверхлинкоров – и это только те, что уже находятся в достройке или стоят на стапелях. Но кому после Перл-Харбора будут интересны эти плавучие мишени для палубных торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков? Владыками моря отныне становятся авианосцы, и против наших шести нынешних единиц американцы за тот же срок с легкостью по самым новейшим проектам построят тридцать или пятьдесят своих.

Выслушав эти слова, адмирал Нагано не стал высказывать недоверия, а, ничего не говоря, только сложил на груди руки, будто выражая свою покорность злой судьбе.

– Бороться с этой мощью, – продолжил Ямамото, – можно, только удерживая ее на дальнем расстоянии при помощи береговой авиации, базирующейся в ключевых точках Тихого океана, а ударное соединение адмирала Нагумо при этом будет метаться от одного такого пункта к другому, обещая врагу неприемлемые потери. И только при такой тактике у нас есть небольшая надежда на то, что война для Японской империи закончится не сокрушительным поражением, а неким почетным миром, который даст нам возможность

перевести дух и подготовиться к следующему раунду борьбы за наше будущее...

Уже позже, садясь в машину, чтобы ехать домой, адмирал Ямамото подумал, что не сказал адмиралу Нагано об одном, возможно, самом главном, факторе. После того как русские – большевики и те, что пришли в этот мир из-за Врат – покончат в Европе с Германией, они переведут дух и обязательно начнут оглядываться в поисках нового врага. Вряд ли этим врагом станут их недавние союзники англосаксы, зато счет к Японской империи у русских длинный и кровавый. Пусть у Советской России нет большого военного флота, а через Врата, как докладывает разведка, можно протащить разве что торпедный катер, но союз двух Росий представляет собой в этом мире величайшую неодолимую силу, которой бессмысленно противиться – так же, как бесполезно выходить на бой с тайфуном, цунами, землетрясением и извержением вулкана. Эти явления невозможно победить, а можно только избежать или переждать. И чтобы эта ситуация не стала неожиданностью, необходимо снова посылать в Москву капитана первого ранга Ямагучи с заданием войти в контакт с командованием русской группировки из иного времени, чтобы хотя бы установить точки соприкосновения и узнать, как это командование относится к японцам, а как – к англичанам и американцам. Ведь не просто же так эти потусторонние русские решили помочь Японской Империи гораздо осмысленней провести первый этап войны против янки. Хотя кто их знает, этих непознаваемых потусторонних демонов... Сегодня они тебе помогают, а завтра с такой же легкостью погубят твою душу.

9 декабря 1941 года, 12:35 СЕ. Восточная Пруссия, окрестности Растенбурга, главная ставка Гитлера «Вольфшанце», бункер фюрера.

Узнав, что Японская империя совершила нападение на американскую базу Перл-Харбор, фюрер германской нации на какое-то время впал в сильное возбуждение. Первым его побуждением было тоже объявить войну Соединенным штатам и тем самым поддержать союзника по Антикоминтерновскому пакту. Случайно оказавшийся при этом Борман, который после катастрофического бомбового удара старался не оставлять Гитлера надолго в одиночестве, только мысленно покрутил пальцем у виска. Ничего более дурацкого в такой ситуации придумать было нельзя. А Гитлер, забыв, что он не перед толпой преданных сторонников, а всего лишь перед Борманом и секретаршами-стенографистками, фиксирующими каждый произнесенный звук,

продолжал развивать свою мысль, бурно жестикулируя и трясясь от возбуждения.

– Мой добрый Мартин, – говорил Гитлер, обращаясь к Борману, – во всем виноват этот пройдоха Рузвельт. Японский посол господин Осима сказал мне, что именно его действия привели к началу войны. Доблестные японские воины просто вынуждены были напасть на Америку, потому что защищались от развязанной против них американской экономической войны. Не имея храбрости действовать силой оружия, американские плутократы пускают в ход экономические санкции, нефтяное эмбарго, отзыв кредитов и замораживание счетов в своих банках. Если Америка не хотела продавать Японии нефть, то та, ради своего спасения, имела право взять ее силой, а в случае угрозы начала войны произвести на американцев превентивное нападение...

Вспомни о том, что американский Госдепартамент признал законными представителями своих стран бездомные и безвластные кучки греческих, польских, норвежских, датских, французских и югославских эмигрантов, игнорируя то, что в этих странах имеются законные власти. Эти так называемые правительства в изгнании, которых на родине никто не знает и знать не хочет. Вспомни, как американские эмиссары подстрекали в Софии и Белграде антигерманские перевороты, обещали финансовую поддержку и поставки оружия. Вспомни и о том, что господин Рузвельт обещал никогда и ни за что не признавать переделку Европейских границ, в том числе и возвращение в состав Рейха украденных у него по версальскому договору Эльзаса и Лотарингии. Хотя мы, собственно, и не беспокоимся относительно того, признает ли президент Соединённых Штатов европейские границы. Нам это все равно. Нерушимость германских границ основана только на силе германского оружия, а не на том, признал их господин Рузвельт или нет.

А еще, о Мартин, вспомни о том отвратительном негативном отношении, какое американские власти проявляют к Германской империи, несмотря на свой пресловутый нейтралитет. Соединенные Штаты поставляют свои самолеты в британские военно-воздушные силы, американские летчики служат в Британии инструкторами и обучают местный персонал. Американские военные корабли помогают британскому флоту захватывать в Атлантике германские торговые суда и топить германские подводные лодки, а американские эсминцы сопровождают британские конвои, имея приказ открывать огонь по германским и итальянским военным кораблям. Вспомни о замороженных счетах югославского, датского, греческого, польского, французского, норвежского

правительств, якобы из опасения того, что эти деньги будут присвоены Германией. Более того, президент так называемой нейтральной страны приказал заморозить и германские активы, потребовал отозвать германских консулов и закрыть консульства. Он также потребовал закрытия в Америке германского агентства печати «Транс-океан», Германской информационной библиотеки и офиса Германских имперских железнодорожных сообщений...

А вся причина в том, что так называемый «Мозговой трест», который служит американскому президенту, вышел из тех социальных слоёв, с которыми мы в Германии боремся, как с паразитами человечества. И это неудивительно, если каждому ясно, что эти интеллектуалы, которых он призвал себе на помощь (или, точнее, которые поставили его президентом) – евреи, заинтересованные только в разложении общества и беспорядках. Они уверовали, что настал их час, чтобы уготовить нам ту же судьбу, что и Советской России, на последствия чего мы взираем с ужасом. Нам из первых рук известно, что такое еврейский рай на земле. Миллионы германских солдат лично видели землю, на которой международное еврейство уничтожало людей и разрушало собственность. Мы ничуть не удивлены, что англо-американский, еврейский и капиталистический мир объединился с большевизмом. В нашей стране мы всегда находили их в таком же союзе. Но мы успешно боремся против них здесь, в Германии, и после четырнадцати лет борьбы окончательно уничтожили наших врагов.

В то время как национал-социалистическая Германия предпринимала меры против финансовых спекуляций, при Рузвельте они процветали. Законодательство Рузвельта, связанное с так называемым «Новым Курсом», оказалось недееспособным, и, следовательно, продолжение этой экономической политики привело бы к краху его президентства еще в мирное время, несмотря на все диалектическое мастерство этого человека. Война – вот единственный инструмент, который может спасти его от катастрофы. Сначала он подстрекает к войне, затем фальсифицирует ее причины, затем, прикрываясь христианским лицемерием, медленно, но верно ведет свою страну к войне, привлекая Господа Бога в свидетели праведности своего нападения, – обычная манера старого масона. Несмотря на множество невыносимых провокаций президента Рузвельта, мы терпеливо пытались предотвратить расширение войны и поддерживать отношения с Соединёнными Штатами. Но теперь наше терпение лопнуло – и мы, всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, до победного конца будем вести войну, в которую нас вовлекли Соединённые Штаты Америки и Британия...[7 - Словоизлияния многонеуважаемого Адольфа Гитлера составлены на основе реальной речи, которую этот персонаж мировой истории произнес в рейхстаге 11 декабря 1941 года по поводу объявления войны

Соединенным Штатам Америки. Не исключено, что черновик той речи изначально прозвучал в узком кругу ближайших приближенных и стенографисток, и только потом, расширенный и обработанный спичрайтерами, был произнесен во всеуслышание перед толпой послушных как марионетки депутатов.]

Выговорившись до конца, фюрер германской нации взял из рук стенографистки высокий запотевший стакан из тонкого стекла и принялся большими глотками пить ледяную родниковую воду. Глядя на своего вождя, Борман подумал, что, может быть, все дело было в том, что после еще одного эпического поражения, разгрома большевиками группы армий «Север», потери Риги и установлении линии фронта по Западной Двине Адольф Гитлер оказался, э-э-э, несколько нездоров душевно. Одно дело – толкать такую лабуду перед депутатами Рейхстага, которые поверят всему, что скажет этот человек, и совсем другое – говорить все это своему верному соратнику, которому не требуется пудрить мозги, потому что он и так знает все обо всем, как оно есть на самом деле.

Да, трудно остаться в ясном уме и твердой памяти, когда пришельцы из другого мира снова вырвали из рядов вермахта полмиллиона немецких солдат и офицеров, которые оказались убиты или попали в плен. А если вспомнить об отчаянных боях, что до сих пор кипят на рубеже Березины, об окруженных и истощенных немецких войсках, стиснутых тугой петлей окружения под Новоржевом, Псковом и Пярну, об огромной территории, вернувшейся под власть большевиков, о стремительных и недостижимых бомбардировщиках пришельцев из другого мира, медленно, но необратимо разрушающих транспорт и промышленность Рейха – становится понятно, что в таких условиях объявлять войну Америке не только опасно, но и бессмысленно.

Американцы просто не успеют встать в очередь, как все будет кончено. Напротив, пока еще ничего не предрешено, стоило бы сыграть на нелюбви американских элит к большевизму, вспомнить о том, что англосаксы, так же, как и немцы, относятся к германской расе; и если не протянуть руку помощи, то хотя бы проявить сочувствие. Ведь оно совсем ничего не стоит, зато может быть достаточно высоко оценено. А японцы... идут они к черту, эти узкоглазые макаки. Напали бы они на Большевицкую Россию – вот это была бы настоящая помощь изнемогающему в борьбе Рейху. Так называемый союзник, который на этой войне сражается исключительно за свои интересы, должен и к самому себе ожидать такого же отношения. Зато улучшение отношений с Америкой позволит рассчитывать как на посредничество в заключении мира с Британией, так, в

перспективе, на американскую военную помощь Германии, изнемогающей в борьбе с мировым большевизмом и ужасными русскими пришельцами из иного мира, ненавидящими европейскую цивилизацию...

– Мой фюрер, – вкрадчиво сказал Борман оставившему стакан Гитлеру, – я понял бы ваш энтузиазм, если бы господин Осима известил вас о том, что Японская империя объявила войну большевикам, в борьбе с которыми денно и нощно изнемогают наши солдаты. Скажите, каким образом война, объявленная Америке, поможет нам вести борьбу на Восточном фронте? Возможно, тем, что оказавшись в состоянии войны с Германией, Рузвельт получит великолепный повод разместить в Британии свои тяжелые бомбардировщики, чтобы те поскорее добились наш Рейх и дали возможность подписать новую Версальскую капитуляцию. После этого немцы сочтут за счастье, если их просто не перебьют на бойне как баранов, исполняя план американского министра финансов господина Моргентау, требующего физического уничтожения германской нации...

– Да, мой добрый Мартин, действительно, – сказал озадаченный Гитлер, – ты правильно сказал, что наша первоочередная задача – это борьба с большевизмом. И что же нам делать, если наш азиатский союзник объявил войну не тому, кому на самом деле следовало ее объявлять?

– Такой союзник как Япония, – ответил Борман, – крайне ненадежен. Японцы относятся не к белой арийской, а к желтой монголоидной расе, отродью диких азиатских обезьян, а американцы и англичане, собственно, наоборот. Японцы никогда не держат своего слова: сколько раз они с улыбкой на лице разрывали подписанные договора, объявляя войну вчерашнему союзнику. Ведь, сказать честно, сорок лет назад, без влияния и мощи Соединенных Штатов и Британии, Японская империя просто не могла бы набрать ту силу, которую она имеет теперь. И что мы видим? Японцам понравились британские и американские колонии, и они объявили их хозяевам войну. Не будет ли так и с Германией, которой еще придется пожалеть о проявленном в ее отношении азиатском коварстве?

– Хорошо, мой добрый Мартин, – сказал совсем запутанный Гитлер, – и что же ты посоветуешь мне сделать? Объявить войну Японии?!

– Совсем нет, – покачал головой Борман, – не надо никому объявлять войну. Для начала требуется немного сочувствия, ведь под бомбами злобных азиатов

погибли прекрасные представители белой арийской нации. Можно будет сказать, что мы скорбим о том, что так получилось, что японцы действовали без нашего ведома и что в Германии по этому поводу будет объявлен траур... Посмотрим, как поведут себя Рузвельт и его свора, если мы вместо объявления войны протянем Америке руку дружбы...

10 декабря 1941 года – 11 августа 2018 года, окрестности деревни Красновичи, Унечского района, Брянской области.

Первый эшелон с интернированными солдатами германского второго армейского корпуса прибыл на тупиковую и пока безымянную станцию в окрестностях Красновичей десятого декабря. Несмотря на то, что уже было полдевятого утра, из-за зимнего времени и низкой обложной облачности только-только занимался тусклый серый рассвет, в неверном свете которого черная поглощающая свет громада портала, исходящая тонкими струйками пара, выглядела особенно мрачно и угрожающе. Настроение у солдат и офицеров было подавленным. Решение их командующего сдаться на милость русских из будущего, потребовав репатриации в Германию двадцать первого века, казалось им как минимум авантюрой. Ведь именно «марсиане» поставили германскую армию в бедственное положение и причинили невероятные страдания немецким солдатам. Именно они, русские из будущего, были той силой, которая в страшных жерновах перемолола тевтонскую ярость и сломала наступательный порыв блицкрига.

И хоть непосредственно с самими «марсианами» части второго армейского корпуса еще не сталкивались, байки в солдатской среде о них ходили самые невероятные. Говорили, что эти порождения ада с красными, как угли, глазами ночью в полной темноте видят будто днем, что обычной пулей их не убьешь, и что они невероятно жестоки и не берут пленных, а под масками у них нет лиц, а только пустота... Поговаривали, что граф, то есть командующий корпусом генерал от инфантерии Вальтер фон Брокдорф-Алефельд, пообещал «марсианам» продать им свою бессмертную душу, лишь бы его солдатам и офицерам сохранили жизнь – и именно поэтому немецких раненых не перестреляли по-быстрому (как это сделали бы немцы с русскими пленными), а со всей возможной аккуратностью погрузили в огромные четырехмоторные санитарные самолеты, один вид которых внушал опасливое почтение, и отправили в неизвестном направлении. Некоторые стали было говорить, что их кригскамрадов отправили на смерть, но на них цыкнули. Сложилась у «марсиан»

определенная репутация. Если они забрасывают тебя листовками, в которых написано «вы все умрете», то все – беги к капеллану исповедоваться и причащаться; а если говорят, что отправляют в госпиталь, то это значит, действительно везут в госпиталь и будут лечить, а не как это обычно бывает с русскими пленными в германской армии...

После того как раненые были отправлены по воздуху, основную массу разоруженных немецких солдат стали грузить в эшелоны и отправлять туда, где, по словам сопровождающих, им предстояло пересечь грань между мирами и попасть в далекий 2018 год. А дальше последовало путешествие на поезде в трескучий мороз по бескрайним русским просторам, где по обе стороны от железнодорожных путей только заваленные снегом леса – вроде тех, в которых корпус провоевал всю Восточную кампанию (относительно цивилизованная Прибалтика быстро осталась позади). Летом тут немецкого солдата подстерегают бездонные болота и тучи злых комаров, от которых не избавиться с помощью гвоздичного масла, а зимой эти леса оказываются засыпанными снегом по пояс, а морозы способны проморозить человека до костей (зима 1941-42 годов выдалась особенно суровой). Культурные цивилизованные европейцы в таких ужасных местах жить не могут; выносят такие откровенно адские условия только такие дикари как русские, и то только немногие, потому что в тех местах, где довелось воевать солдатам второго армейского корпуса, населенных пунктов мало.

Правда, по мере того как эшелон с интернированными солдатами и офицерами приближался к цели, местность вокруг становилась все более цивилизованной. Среди лесов стали попадаться проплешины полей, все чаще встречались большие деревни или небольшие городки. Но это были далеко не все особенности пейзажа. Летом в этих краях гремела ожесточенная Смоленская битва, когда большевистские войска и ударные части «марсиан» остановили и разгромили лучшие части подвижных соединений вермахта, и теперь следы тех яростных боев то тут, то там виднелись по обе стороны от железнодорожного пути. Иногда это были немецкие солдатские кладбища с ровными рядами аккуратных березовых крестов, а иногда – кучи битой и искореженной немецкой техники, которую явно приготовили к отправке на переплавку. Возможно, именно поэтому настрой в эшелоне носил такой похоронный оттенок. У сражавшихся тут в августе-сентябре кригскамрадов, попавших под удар разъяренных «марсиан», не было даже малейшего шанса на выживание.

Добавляло мрачных предчувствий и враждебно-отстраненное отношение сопровождавшего эшелон конвоя «марсиан». Нет, эти закованные в тяжелые доспехи суровые воины, лица которых закрывали маски, требовались не для того, чтобы предотвращать побег. Немецких солдат и офицеров предупредили, что любой из них может бежать в любое время, и гнаться за ним никто не будет, но только пусть потом беглец, оказавшийся в застенках «Смерша» или в руках злых местных жителей, пеняет только на себя. «Марсианский» конвой был необходим для того, чтобы обозначать принадлежность эшелона к Экспедиционному корпусу, что дает ему права экстерриториальности, а также для предотвращения инцидентов с представителями местной власти, в том числе с чересчур ретивыми сотрудниками НКВД.

В то же время находившийся в том же эшелоне генерал от инфантерии Вальтер фон Брокдорф-Алефельд пребывал во вполне сносном состоянии духа и даже старался приободрить своих подчиненных. При этом никто не знал, что этот совсем еще не старый пятидесятитрехлетний человек испытывает ужасные ревматические боли, особенно обострившиеся у него с началом русской зимы. А он страдал, мучился и не подавал виду, чтобы все подчиненные видели, какой у них бодрый и деятельный командующий. Генерал терпел боли, почти не прибегая к лекарствам, в том числе и потому, что не хотел становиться наркоманом подобно Герингу. На то время единственным сильным болеутоляющим в Европе был морфий, а с этим веществом шутки плохи, зависимость от инъекций проявляется почти сразу. И неизвестно еще, что хуже: постоянно терпеть боль или же попадать в зависимость от очередного укола или таблетки.

И вот сейчас, разглядывая темную громаду, угрюмо возвышающуюся на фоне постепенно светлеющего серого неба, вслушиваясь в странные, ни на что не похожие, звуки расположенного поблизости аэродрома «марсиан», генерал ощущал странную смесь волнения и усталости. Он, как Моисей, подвел свой народ к окраине безжизненной пустыни, но мир, скрывающийся за этой мрачной громадой, являлся для него полной неизвестностью. Восемьдесят лет тому вперед... Он знал, что Германия, пусть и с несколько уменьшившейся территорией, урезанная в пользу Польши, Франции и Чехословакии, все еще существует на карте Европы, но не мог представить себе, какой стал его Фатерлянд за эту пропасть лет. Аристократ и монархист, он с тяжелым чувством в душе предполагал, что раз в Германии не была реставрирована монархия, он может увидеть некую реинкарнацию Веймарской республики – то есть самую гадкую и продажную вариацию государственного устройства, какая только может существовать в этой стране.

Тут надо сказать, что Вальтер фон Брокдорф-Алефельд никогда не был убежденным нацистом (и неубежденным тоже), и всю свою карьеру служил Германии, а не кайзеру и фюреру. История с заговором тридцать восьмого года [8 - В 1938 году начальник Генштаба Людвиг Август Теодор Бек подготовил ряд документов, в которых подверг критике агрессивные замыслы Адольфа Гитлера. Он считал, что они носят слишком рискованный, авантюрный характер (учитывая слабость вооружённых сил, которые были в процессе становления). Бек даже пытался найти поддержку у Великобритании. Однако британское правительство не пошло на контакт с заговорщиками. Лондон шёл по пути «умиротворения» агрессора, чтобы направить Германию на СССР. Бек и ряд других офицеров планировали отстранить Гитлера от власти и не дать втянуть Германию в войну. Для переворота готовили штурмовую группу из офицеров. Бека поддержал прусский аристократ и убеждённый монархист, командующий 1-й армией Эрвин фон Вицлебен. В состав ударной группы входили офицеры абвера (военная разведка и контрразведка) во главе с начальником штаба управления разведки за границей полковником Гансом Остером и майором Фридрихом Вильгельмом Гайнцем. Кроме того, поддерживали идеи заговорщиков новый начальник Генштаба Франц Гальдер, Вальтер фон Браухич, Эрих Гёпнер, Вальтер фон Брокдорф-Алефельд, руководитель абвера Вильгельм Франц Канарис. Сигнал к началу переворота должен был последовать после начала операции по захвату чехословацких Судет. Однако приказа не было: Париж, Лондон и Рим отдали Судеты Берлину, война не состоялась. Гитлер стал ещё более популярным в обществе. Мюнхенское соглашение решило основную задачу переворота - предотвратило войну Германии с коалицией стран.] сошла ему с рук только потому, что Гитлер, опьяненный успехом своего Мюнхенского шантажа, не стал обращать на заговорщиков серьезного внимания. В противном случае ему пришлось бы вырубить как раз ту лучшую часть военной касты, которую он планировал поставить на острие будущей войны. Но служба Германии, честный служака тем самым покрывал те зверства и преступления, какие творил в оккупированной Европе нацистский режим. Возможность капитулировать не перед большевиками, а перед пришельцами из будущего воспринималась им как своего рода достойный выход из нравственно сомнительной ситуации. Теперь он будет служить Германии без Гитлера и, более того, спасет от страшной гибели своих подчиненных. Но тут, на пороге вечности, его вдруг охватили смутные сомнения, как примут на ТОЙ стороне его поступок и не назовут ли его предателем германской нации.

Но думать об этом было уже некогда. Последовала команда взять вещи и покинуть вагоны, и пришлось генералу от инфантерии брать маленький чемоданчик с самыми важными вещами и выходить на двадцатиградусный мороз. Правда, позади него дюжий денщик, пыхтя как паровоз, тащил два огромных чемодана, но это же такая мелочь, которая не заслуживает никакого внимания. И если конвоирам из будущего в их теплом обмундировании и оцеплению из НКВДШников в полушубках, ватных штанах и валенках морозец на улице казался легким, то немецким зольдатенам в тонких шинелишках из эрзац-сукна приходилось значительно хуже. Но долго морозить их не стали, и, как только притопывающая и хлопающая себя по бокам колонна была сформирована, интернированных немцев повели навстречу их судьбе.

Черная громада Врат встретила их ощутимо веющим навстречу теплым воздухом, тишиной и мраком, в котором вяз слабый свет цепочки электрических фонарей. Казалось люди брели в полной темноте, и только цепочка тусклых огоньков, протянувшаяся от одного мира к другому, связывала их с реальностью. Но с каждым шагом становилось все теплее и теплее; вот позабыты прихлопывания по бокам, а вот уже самые отчаянные расстегнули воротники шинелей. И чем дальше шагала колонна интернированных, тем теплее становился дующий навстречу воздух. И вот уже у некоторых расстегнуты не только воротники, но и сами шинели. Жарко...

Но это тепло было единственным следствием продвижения по тоннелю между мирами. Никакого света в конце видно не было. Казалось, люди будут вечно брести в этой вязкой черноте... Но вот где-то впереди, будто бы за поворотом, замаячил некое слабое холодное зарево, совсем не похожее на дневной свет. Вскоре загадка разрешилась самым неожиданным образом. Черный туннель кончился, и колонна вышла под безлунное ночное небо, усеянное мириадами звезд... Веяло летним теплом, стрекотали сверчки, а чуть поодаль, освещенные неживым синеватым светом мощных прожекторов, на бетонной площадке стояли четыре огромных винтовых самолета в окраске фельдграу, с веймарскими «флажками» на хвостовых оперениях, черными крестами на фюзеляжах и крупными надписями «LUFTWAFFE» в передней части фюзеляжа. Все будто бы было сделано специально для того, чтобы никто не сомневался – это немецкие самолеты, и они отвезут их на родину, в Фатерлянд.

А с другой стороны колонна мощных грузовиков, крашенных в русский армейский цвет хаки, дожидалась своей очереди войти в портал; их кузовах находилось что-то большое, затянутое со всех сторон брезентом. Война в сорок

первом году продолжалась, и эти машины то ли перевозили предназначенные для Красной Армии оружие и боеприпасы со складов мобхранения, то ли изготовленные по спецзаказу станки и оборудование для советской промышленности. А в хвост этой колонне выстроились другие грузовики, которым, казалось, не было ни конца ни края. Транспортная артерия, связывающая два мира, напряженно пульсировала. И на той, и на другой стороне никак не могли дождаться того момента когда пропускная способность портала увеличится настолько, чтобы было возможно соединить два мира хотя бы одноколесной железнодорожной веткой.

Но немецких солдат, бодрым шагом устремившихся навстречу своей судьбе (откуда только силы взялись) это уже не касалось. Война для них закончилась. Правда, им еще предстояло узнать, каков он, этот новый мир двадцать первого века, и разочароваться в нем. Но ведь никто и не обещал, что новая жизнь должна им непременно понравиться. Так же никто этого не обещал и властям Германии двадцать первого века. С одной стороны, они сами со всей возможной настойчивостью интересовались судьбами всевозможных соотечественников, так что не могли не принять предложенный «подарок». А с другой стороны, несколько десятков тысяч немцев из сорок первого года были способны вызвать в двадцать первом веке такое бурление мозгов (особенно в правом диапазоне политспектра), что под угрозой хаоса могла оказаться вся политическая конструкция Федеративной Республики Германия.

11 августа 2018 года, 00:05. ФРГ, Берлин, район Тиргартен, Вилли Бранд штрассе 1. Ведомство Федерального Канцлера, седьмой этаж, кабинет фрау бундесканцлерин.

В Ведомстве Федерального Канцлера, несмотря на полуночное время, все двери распахнуты настежь и, как на восточном базаре, гудит суетливое многолюдье. А то как же, дотянулся до нынешней тихой и спокойной Германии проклятый Путин, преподнес отравленный нессов подарок[9 - Имеется в виду отравленная одежда убитого кентавра Несса, которую надел и никак не мог снять Геракл.], который, если даже и захочешь, не сбросишь. Из России в Германию едут, точнее, летят, пятьдесят тысяч диких нетолерантных немцев, прямо с фронта той войны, сдавших чуть ли не лично русскому президенту Путину. Поневоле взвоешь и начнешь кадить фимиам перед портретом злого бога всех общечеловеков, взирающего на мир с непроницаемо насмешливым выражением на лице. Типа, ну за что ты нас наказываешь, не так уж сильно мы и грешны.

Одно дело переживать за случайно выжившего в мясорубке сражения на этой стороне портала какого-нибудь ефрейтора Рашке, которому за зверства над мирным населением грозит в России пожизненное заключение. И совсем другое – принять пятьдесят тысяч таких «ефрейторов Рашке», еще не остывших от мясорубки боев, прямо на свою голову.

И ведь не принять этот данайский дар тоже нельзя. Русское пропагандистское агентство RT уже раструбило по всему миру, что чуть ли не лично Путин спас десятки тысяч немецких солдат от большевистского плена и повелел вернуть их в Фатерлянд, на родину предков, правда, не в двадцатом, а в двадцать первом веке. Получается, что он спаситель и благодетель, но при этом становится понятно, что тут возникает типичнейший случай гибридной войны. Одной рукой русские спасли этих немцев от ужаса сталинских лагерей, а другой заложили мощнейшую мину под здание германской государственности. Такого вброса свежих дрожжей ветхий сортир германской политики может и не выдержать. Особенно должны обрадоваться такому подкреплению «правые» движения и партии, вроде «Альтернативы для Германии», которые давно уже примеряются, как бы разрушить монополию на власть, которая уже семьдесят лет находится в руках у партий так называемой «Большой коалиции» (ХДС-ХСС и СДПГ).

Но самое скверное заключается в том, что, по условиям капитуляции, господам офицерам русские оставили пистолеты с двумя обоймами, а солдатам – их личные штык-ножи от винтовок «Маузера». И фрау бундесканцлерин даже страшно подумать, сколько так любимых ею арабских мигрантов может быть зарезано этими острыми штыками в тот момент, когда репатриированные из двадцатого века немцы столкнутся с нынешней реальностью. При этом попытка разоружения солдат и офицеров может вызвать массовое сопротивление и бунт – а то как же, русские оставили им это оружие, а немецкие власти будут его забирать. Кроме всего прочего, русские сохранили в частях корпуса всю командную иерархию, до командира корпуса включительно, и тот вряд ли отдаст приказ своим солдатам разоружиться, особенно если его уже предварительно обработала русская пропаганда.

До этого Германия приносила кровавые жертвы только идолу Толерантности (статуя Демократии давно отставлена в сторону, и ей если и проведут по губам, то совсем не тем, что хотелось бы взять в рот). Десятки похищенных, изнасилованных, убитых мигрантами граждан (а в основном гражданок) немецкой национальности, миллиарды евро, потраченные на содержание и обустройство приезжих – это такая плата за то, что Германия виновна в

прошлых зверствах нацизма и теперь вечно должна выплачивать за это дань победителям. Ну и, конечно, к толерантности прилагается тотальная цензура, потому что всем должно быть известно, о чем в прессе говорить можно, о чем нельзя. К сожалению, пока только в германской прессе. Заграница пока пишет и передает все что захочет, особенно эта уже упомянутая злодейская рука Кремля, агентство RT. В последнее время такую же удавку постарались набросить и на интернет, а ведомство по охране конституции уже подумывает о том, как бы распространить эту замечательную практику и на частные разговоры, чтобы даже у себя в спальнях бюргеры и бюргерши общались только на разрешенные темы. Разумеется, все это исключительно для их же пользы, а то поддадутся на русскую пропаганду и по неведению разрушат драгоценное и единственное германское государство.

А вот немцы, пришедшие с той войны, совсем не такие, воспитаны в не толерантное время и привыкли кошку называть кошкой, а гинеколога, хм, гинекологом, а не министром обороны. Служащие того самого ведомства по охране конституции уже побеседовали с ранеными и больными немецкими солдатами, доставленными на территорию Германии еще в начале так называемой русской гуманитарной операции и пришли к выводу, что эти люди опасны для существующей государственной системы. Причем эта опасность происходит не в силу их подверженности русской государственной пропаганде, к которой они не восприимчивы, а в силу происхождения этих людей из другого времени, с другой системой ценностей. Выпускать таких прямо на улицы немецких городов не стоит ни в коем случае. Смешавшись с местным населением, которое давно выражает недовольство нынешним положением дел, эти люди могут изрядно обострить политическую и криминальную обстановку на улицах немецких городов.

С другой стороны, в силу той же конституции, не впускать в Германию и не выпускать на улицы городов их тоже нельзя – потому что не африканские мигранты, а все-таки люди, родившиеся и выросшие в Германии, которые имеют такое же полное право на немецкое гражданство, как и остальные немцы Германии. Попытка игнорировать это обстоятельство поколеблет конституционные устои значительно сильнее, чем сами эти солдаты из темного прошлого на улицах немецких городов. Ведь именно на основании тезиса единства всех немцев тридцать лет назад Западная Германия сожрала Восточную, подменив объединение поглощением. А эти репатрианты – не злодеи, не военные преступники, а обычные солдаты, которые просто выполняли свой долг. И если уж русские отпустили их восвояси и махнули рукой на претензии, то и немецкому государству в двадцать первом веке тоже как-то не с

руки поднимать эту тему.

Тем более что командующий вторым армейским корпусом, генерал от инфантерии граф Вальтер фон Брокдорф-Алефельд, в отношении принадлежности к нацистам чист буквально до хруста. Участник антигитлеровской оппозиции среди генералов, в то же время храбро воевавший с русскими, участник заговора тридцать восьмого года, он не участвовал в попытке переворота в сорок четвертом году только потому, что годом ранее умер от тяжелой болезни. И авторитет среди подчиненных он тоже имеет непререкаемый, солдаты даже гордятся тем, что их командир граф, а себя с момента начала исхода из двадцатого века называют «кочующим графством». Вот такой человек этот генерал. Хоть сейчас делай из него идола и ставь на пьедестал. Только живой человек – это не памятник, на пьедестале просто так стоять не будет. С ним необходимо договариваться, и как можно скорее, чтобы он и его люди находились на стороне официальных властей, а не на стороне разного рода ультраправых партий, популярность которых в Германии растет с каждым днем.

И не стоит забывать, что враждебная пропаганда уже действует.

Принадлежащий русским интернет телеканал RT Deutsch практически в режиме нон-стоп транслирует процесс переправки интернированных подразделений вермахта в Германию, начиная с их прибытия в двадцать первый век и последующей погрузки на транспортные самолеты люфтваффе А-400М и заканчивая интервью у трапа самолета с дурацки счастливыми солдатами и офицерами, отправляющимися в Фатерлянд. Пусть это немного не та Германия, которую они покидали, но большинство из тех, кто согласился говорить с журналистами, считают, что они едут домой. Выразил готовность сказать несколько слов перед телекамерами и генерал Брокдорф-Алефельд – он сдержанно поблагодарил русского вождя за гуманность, проявленную к солдатам его корпуса. И это все; о нынешних немецких властях ни слова, как и об оставшихся в сорок первом году национал-социалистах.

Зато остальные от облегчения, что их привезли все-таки к самолетам, а не к расстрельному рву где-нибудь в заснеженном лесу, соловьями разливаются перед немецкоговорящими журналистами. При этом вместе с работниками RT репортажи ведут стримеры, работающие на, казалось бы, смертельно враждебные друг-другу «Левую партию» и «Альтернативу для Германии». При этом попытки официозных проправительственных и либеральных телеканалов или газет замолчать, исказить или перекричать это событие, скорее всего,

приведут к прямо противоположному результату. Немцы же не дураки, одним глазом смотрят один канал, другим другой и имеют возможность сравнить, кто прав, а кто и нет. И это только в самом мягком случае.

Популярность движений и партий, расположенных на противоположных политических флангах, в результате этой гибридной операции русских вырастет, причем правые наберут популярность значительно больше, чем левые, а правящий нынче противоестественный альянс из право- и левоцентристов существенно просядет в глазах электората. Для краха правительства будет достаточно, если и без того колеблющиеся социал-демократы дрогнут, испугавшись дальнейшего падения своего рейтинга в результате связи с токсичной фрау Меркель и решат выйти из большой коалиции, в результате чего выборы могут случиться не в далеком двадцатом первом году, а прямо сейчас, в самый неблагоприятный момент. В конце концов, там, на Восточном Фронте Второй Мировой Войны, осталось еще немало немецких солдат, «находящихся в трудной жизненной ситуации», и этот вброс эмигрантов из сорок первого года явно не последний.

Разместить репатриантов из двадцатого века немецкие власти решили в специально расчищенных для них казармах под Берлином, заброшенных за ненадобностью. Это место служило кайзеровской армии, потом вермахту, потом, во времена ГДР, в военном городке квартировали части советской армии. После вывода последних русских солдат это место пустовало почти четверть века. Потом, когда стало известно о данайском подарке Путину, военный городок принялись готовить к приему новых обитателей, что в основном заключалось в остеклении выбитых окон и извлечении гор мусора, среди которого в изрядном количестве попадались использованные одноразовые шприцы и пустые алюминиевые банки из-под пива. Но это все лирика. Одной из причин, почему немецкие власти остановили свое внимание на этом месте, был расположенный поблизости заброшенный советский аэродром Шперенберг, полоса которого была способна принимать самолеты всех типов, вплоть до сверхгигантов европейского А-380 и русского «Руслана».

Разобраться со сложившейся ситуацией на месте и уговорить солдат вермахта добровольно проследовать в указанное место Меркель решила доверить министру обороны Урсуле фон дер Ляйен, доктору гинекологии, верному партийному товарищу (ХДС) и настоящему «мужику в юбке», за крайне правые позиции и эксцентричные высказывания получившей прозвище «Бешеная немка» и «Урсула фон Гитлер». Ну что поделать, если настоящих мужчин в немецком правительстве не осталось, или они ненадежны – как министр

финансов Вольфганг Шойбле, от которого в такой ситуации не знаешь что и ждать. Может, упрямый шваб и будет послушно выполнять указания фрау канцлерин, а может, взбрыкнет и встанет на сторону тех, кого она хотела бы укротить и подчинить своей воле.

Фрау Урсула – это совсем другое дело. В свое время, подбираясь к посту министра обороны, она последовательно руководила в кабинете Меркель министерствами «по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодёжи», а также «труда и общественных дел». Добившись в 2013 году поста министра обороны, в чем-то вопреки воле фрау канцлерин, министр-гинеколог тут же с пылом фанатички бросилась реформировать военное ведомство. В результате ее действий боеготовность бундесвера упала до исторического минимума (танки не ездят, самолеты не летают), но зато двадцать процентов личного состава составляют представительницы слабого пола, которые служат без отрыва от семьи и воспитания детей. Можно представить, что об этом подумают репатриированные солдаты вермахта (как и об основной профессии госпожи министра), но, по счастью, обе этих новости еще не достигли их ушей. Впрочем, «мамочка» Меркель сейчас об этом не подумала.

– Если мы немедленно прямо на месте не перехватим инициативу, – чеканила она, вышагивая перед своей верной боевой подружкой, – то в самом ближайшем будущем в этом кабинете будут сидеть совсем другой человек. И путь даже речь не идет о военном перевороте, как в какой-нибудь банановой стране, Германии в любом случае предстоят немалые неустройства...

– В основном, фрау канцлерин, – парировала Урсула фон дер Ляйен, – эти неустройства ожидают Германию по вашей вине. Это вы были уверены, что Германия сможет принять и переварить любое количество беженцев, а в результате нервы уже не выдерживают даже у терпеливых и законопослушных немцев. Если бы не это обстоятельство, то ультраправые (АдГ) были бы сейчас не больше чем несмешные клоуны с минимальным количеством сторонников. Нечто вроде поклонников летающего макаронного монстра. Зато теперь, даже без постороннего вмешательства, это третья сила в Германии, которая в перспективе может стать первой...

Меркель терпеливо вздохнула, будто сетуя на нетактичность своей собеседницы.

– В любом случае, фрау Урсула, – сказала она, – действовать надо быстро, потому что желающих переманить этих людей на свою сторону будет более чем достаточно. Но, как мне сказали, пойдут они только за одним человеком, своим командиром, графом фон Брокдорф-Алефельдом. Этот человек сохранил среди своих людей основы порядка и дисциплины, вывел их из большевистского плена и, подобно новому Моисею, привел к обетованной земле...

В этот момент в кармане у Меркель запиликал телефон. Фрау рейхсканцлерин близоруко посмотрела на экран, вздохнула, сняла трубку и, сказав «алло», выслушала то, что ей хотел сказать неведомый собеседник.

– Если этот человек будет на нашей стороне, – продолжила она, – то все будет в порядке. Надеюсь, ты сможешь с ним договориться, хотя бы как аристократка с аристократом. Если же при вашей встрече случится какая-нибудь неприятность, то последствия могут быть непредсказуемыми. Мне только что сообщили, что перед вылетом русские возвращают немецким солдатам оружие, винтовки и даже пулеметы.

– И наши пилоты не отказались лететь вместе с вооруженными людьми? – удивилась Урсула фон дер Ляйен. – Не подозревала в них такой храбрости...

– Генерал Брокдорф-Алефельд, – сказала Меркель, – заявил, что немецким летчикам не стоит бояться немецких вооруженных солдат, и летчики его послушались. Это, конечно, черт знает что – почти вооруженное вторжение; но не сбивать же эти самолеты и не направлять же против солдат вермахта солдат бундесвера... Позору потом будет столько, что мы с тобой, дорогая фрау Урсула, не отмоемся и до конца жизни. Поэтому бери вертолет, лети прямо на аэродром и встречай дорогих гостей. Генерал летит первым же рейсом, так что если ты немного поторопишься, то как раз успеешь к его прибытию. – Фрау канцлерин еще раз вздохнула и посмотрела на часы. – Через полтора, от силы два часа первый самолет с репатриированными солдатами вермахта приземлится на аэродром Шперенберг. Так что торопись. Время не ждет.

Два часа спустя и сорок километров южнее, аэродром Шперенберг

Вертолет фрау Урсула брать не стала. От здания Ведомства Бундесканцера до аэродрома Шперенберг по хорошим немецким дорогам в ночное время без

пробок на машине можно было доехать за час. То есть времени хватало, чтобы даже вздремнуть или обдумать сложившуюся ситуацию.

Собственно, после доставки раненых и больных (что декларировалось как акт величайшей гуманности и милосердия со стороны немецкого государства) прибытия основной массы репатриированных ждали. Правда, предполагалось, что произойдет это не так скоро – быть может, через месяц или около того. Никто не ожидал, что русским удастся так быстро погрузить интернированных в эшелоны и доставить к порталу в столь короткие сроки. При этом некоторые втайне надеялись, что интернированных немецких солдат погонят пешком на двадцатиградусном морозе и по пути они все перемерзнут. Тогда сам собой решился бы вопрос, что с ними делать, и к тому же появилась бы возможность в очередной раз порассуждать о русском варварстве. Но коварный Путин снова оставил всех в дураках и заставил действовать в условиях невероятного цейтнота. Вообще-то ожидалось, что присланные в Россию самолеты примут очередную партию раненых и обмороженных, а вместо этого коварные русские погрузили и отправили сегодняшним рейсом авангард здоровых репатриантов, хорошенько их перед этим вооружив. Вот и пришлось фрау министру глубоко за полночь обсуждать предстоящие действия с фрау канцлерин, а потом, сломя голову и теряя тапки, мчаться на заброшенный советский военный аэродром встречать нежданных, но дорогих гостей.

Впрочем, в определенном смысле Урсула фон дер Ляйен опоздала. Нет, первый самолет еще не прилетел, до этого еще оставалось прилично времени, но на пустующем летном поле, освещенном только лучами прожекторов, уже стояли не только журналисты вездесущего RT (что было бы только половиной беды), но и кучка депутатов бундестага, в основном правой и ультраправой направленности. А этих на драном козле не объедешь и с поляны не прогонишь. Имеют право – депутаты. И журналисты тоже орудуют под их прикрытием, освещают встречу народных избранников с далекими предками. К ним тоже не подкопаешься и не прогонишь. Нет, прогнать, конечно, можно, да только скандал выгоден как раз не правящим партиям, а их противникам, которые так рвутся порулить Германией, что примчались сюда ловить момент прямо посреди ночи. Те, кто опоздал, будут потом кусать локти.

А первой в глаза фрау Урсуле в депутатской тусовке бросилась такая двуличная ультраправая сучка как Алиса Вайдель, представлявшая в германском парламенте... да-да, правильно – «Альтернативу для Германии». Ради сегодняшнего случая фройляйн Алиса (39 лет) вырядилась в полувоенный-

полуохотничий зелено-коричневый брючный костюм, дополненный кокетливой тирольской шапочкой с пером, короткими мягкими сапожками на каблучке и фальшивой пшеничной косой до пояса. Фрау Урсула точно знала, что коса была ненастоящей, потому что своих волос госпоже Вайдель едва хватило бы на крысиный хвостик. Впрочем, было очевидно, что этот наряд ей идет, делая эту политиканшу похожей на девушек с немецких женских плакатов тридцатых-сороковых годов прошлого века. Шик, блеск и показуха. Не хватало только красной повязки со свастикой, которая превратила бы мимикрию в буффонаду.

Двуличной эту женщину-политика можно было назвать хотя бы потому, что, занимаясь политикой в Германии, она живет и платит налоги в Швейцарии. Поддерживая продолжение членства Германии в ЕС, она призывает Германию к выходу из зоны единой европейской валюты. Из сообщений газеты «Die Zeit» достоверно известно, что, будучи противницей массовой миграции, Алиса Вайдель в своем швейцарском доме нанимала в домработницы сирийку, трудовые отношения с которой не были оформлены надлежащим образом. На фоне этих обстоятельств представляется сущей мелочью тот факт, что, являясь открытой лесбиянкой и проживая в однополном гражданском союзе с женщиной, Вайдель выступает против однополых браков. Так сказать, подробность «ниже пояса» для личного употребления.

Значительно опаснее фройляйн Алисы являлся ее напарник по руководству «альтернативщиками» – Александр Гауланд. Вот он, стоит среди прочих – солидный мужчина семидесяти семи лет, в клетчатом пиджаке и мягкой серой кепке. Весь вид его выражает напыщенную самоуверенность. Фрау Урсула отчетливо представила себе его презрительно оттопыренную нижнюю губу и пронзительный взгляд серо-голубых глаз. Она считала, что он всегда держится очень заносчиво и полон едкой насмешки по отношению к политическим противникам. Кроме того, этот человек имел поразительное сходство с одним из русских зубров большой политики – с Жириновским; причем далеко не только внешнее. Оба этих политика одинаково не признают ни авторитетов, ни условностей, и не считают, что у их народов в прошлом есть повод для стыда. Оба считаются несколько эксцентричными несерьезными персонами, популярность которых зиждется на самом неприкрытом популизме, и оба не обращают на эти мнения хоть какого-нибудь внимания.

Гауланд родился на территории будущей восточной Германии как раз в том самом сорок первом году. В прошлом этот человек был однопартийцем фрау Урсулы, пятнадцать лет сотрудничал с таким известным функционером ХДС как

Вальтер Вальман (обер-бургомистр Франкфурта-на-Майне, федеральный министр по охране окружающей среды, премьер-министр земли Гессен), потом работал редактором газеты «M?rkische Allgemeine» в Потсдаме, принадлежавшей крупнейшему издательству Германии «Frankfurter Allgemeine Zeitung». В последние три года, разочаровавшись в политике Меркель, этот человек сменил ХДС на АдГ, став ее сопредседателем. В 2014 году по спискам АдГ Александра Гауланда избрали депутатом ландтага Бранденбурга, а в 2017-м – депутатом бундестага.

Наиболее известные высказывания этого политика гласят, что немцы уже достаточно разобрались со своей историей, связанной с национал-социализмом, и что под этой темой пора подвести черту. Также он заявил, что, несмотря на военные преступления нацистской системы, во время второй мировой войны миллионы немецких солдат доблестно выполняли свой долг и поэтому у потомков должно быть право ими гордиться. По его словам, он не испытывает стыда за преступления своего народа, так как ни он сам, ни его предки не были с этим связаны лично. В то же время он считает возможным и нужным гордиться достижениями немецкой нации за всю ее тысячелетнюю историю.

Многие считают, что от таких взглядов пахнет серой, ибо в Германии, проигравшей две мировых войны подряд, насаждается прямо противоположный взгляд на собственную историю. И в то же время этот человек больше других политиков готов для взаимодействия со своими дикими арийскими предками. Та же самая Алиса Вайдель со своим лесбийским бэкграундом не может быть так хорошо принята и понята соотечественниками из сорок первого года, как этот седой волк с крайнего правого фланга немецкой политики. Прочие депутаты, собравшиеся встречать репатриированных, на его фоне кажутся обычными статистами, набранными только для массовки.

Он же единственный с радушным выражением на лице двинулся навстречу Урсуле фон дер Ляйен, когда она на затекших негнущихся ногах выбиралась из машины.

– Здравствуйте, фрау Урсула, – сказал он, широко улыбаясь. – Какими судьбами вас в столь поздний час занесло в столь глухое место?

– Теми же, что и вас, – огрызнулась Урсула фон дер Ляйен, ежась от холодного ночного ветерка. – Только, в отличие от вашей компании, я тут по делам службы.

– Мы тут тоже по делам службы, – ухмыльнулся Гауланд. – Как депутаты бундестага, мы желаем знать, каким образом вы намерены устроить доблестных германских солдат, прибывших сюда прямо из ада Восточного фронта.

– Ну да, – со скепсисом произнесла Урсула фон дер Ляйен, – позвольте мне усомниться. Я думаю, что вы просто хотите использовать этих людей в качестве тарана в своих политических интересах.

– Все всех используют, – пожал плечами Гауланд, глядя на собеседницу холодными глазами, – как, например «мамочка» (Меркель) использовала вас, послав туда, где она сама не хотела бы находиться. В политической системе Германии вы достигли своего потолка. Канцлером, подобно «мамочке», или бундеспрезидентом вам не бывать, а это значит, что вас либо задвинут на общеевропейский уровень, который в дальнейшем будет значить все меньше, либо утопят в какой-нибудь некрасивой истории и заставят уйти в отставку. Вы думаете, мы не знаем, что любой нормальный министр обороны, придя на ваше место, тут же схватится за голову и потребует самого тщательного расследования?

– Так вы меня вербуете? – с удивлением спросила Урсула фон дер Ляйен. – Не думала, что у вас хватит на это наглости.

– А почему бы и нет? – снова пожал плечами Гауланд, – вы же умная женщина и должны понимать, что политическая система Европы бодрыми шагами движется прямо в ад. Мы, европейцы, рассорились и с Россией, и с Америкой, в то время как нас самих одолевают подползающий кризис, нашествие арабов и африканцев, потеря национальной идентичности и вызванное этими процессами тотальное неверие во все и вся. Интеграционный запал прошел, все положенные жертвы на алтарь евроединства принесены, а жизнь становится все хуже и тяжелее. В то время как перед ними маячит грозная перспектива оказаться на обочине мировой истории, наши правители поддались утопическим идеям и строят замки на песке. Ну, вы меня понимаете: мигранты, уничтожение ядерной энергетики, глобальное потепление и все прочее. К тому же если прежние американские президенты видели в нас младших партнеров и отчасти союзников, чьи интересы тоже надо соблюдать, то для Трампа мы лишь конкуренты и обуза. Доведись такой случай – и Европу недрогнувшей рукой принесут в жертву, разменяют в локальной ядерной войне на набирающую силы Россию. К счастью для нас, русские тоже не дураки и предупредили янки, что ограниченной ядерной войны в Европе не будет. В случае конфликта с НАТО

межконтинентальные ракеты сразу уйдут за океан, и следующие счета между собой мы будем сводить уже в аду...

- Что же вы предлагаете, - хмыкнула Урсула фон дер Ляйен, - броситься в объятия русского дьявола?

- Ну почему дьявола, - пожал плечами Гауланд, - у герра Путина нет в запасе ни рогов, ни хвоста, и к тому же от него не пахнет серой. Он просто хочет безопасности и достатка для русского народа - точно так же, как мы хотим того же для немцев. Дьявол, с нашей точки зрения - это не русские, а американцы, которые продолжают держать на немецкой земле свои войска, в то время как русские позволили нам объединиться и вывели свои части еще пятнадцать лет назад.

- Герр Гауланд, - строго сказала Урсула фон дер Ляйен, - вы же не хуже меня знаете, что в случае войны Германия неспособна себя защитить. Это находящиеся на нашей территории американские войска, как и все НАТО, обеспечивают нашу безопасность и хранят в Европе мир.

- А что, - ехидно осведомился Гауланд, - на Германию кто-то собрался нападать? Если что, я впервые об этом слышу. За последние двадцать лет именно НАТО развязывало войны в Европе и соседних странах, подстрекая всяких отморозков восстать против своих законных правительств, а потом приходя к ним на помощь вооруженным путем. Единственное место, где эта тактика не сработала - это Украина, потому что там напрямую надо было воевать с русскими, а этого наши и американские генералы не хотят.

- С русскими, - запальчиво выкрикнула Урсула фон дер Ляйен, - необходимо разговаривать исключительно с позиции силы!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

В многочисленные «котлы» смоленского сражения, киевский котел и котел под Вязьмой в общей численности попало до полутора миллионов советских бойцов и командиров. В среднем из котлов «выходило» около десяти процентов штатной численности окруженных частей и соединений, остальные или погибали или попадали в плен. В плену же выжить удавалось очень и очень немногим, потому что у германской армии не было ни желания, ни материальной возможности содержать огромное количество пленных, на халяву подаренных им тупенькими довоенными советскими генералами, возглавляемыми маршалом Тимошенко. Не имелось даже достаточного количества подвижного состава, чтобы вывести эту массу пленных в Германию для использования в качестве дармовой рабочей силы в германской экономике, да и необходимость в этом до поры до времени немцами просто не осознавалась. Вот когда в Германии началась тотальная мобилизация – тогда и вспомнили о советских военнопленных как о рабочей силе; только большинство из них до этого момента уже не дожило.

2

В середине пятидесятых годов по приказу Хрущева в военкоматах было произведено массовое уничтожение первичных документов предшествующего периода. При этом данные на кадровый состав, военнослужащих срочной службы и призванных по мобилизации переносились в журналы учета, а сведения о временно призванных на сборы в предвоенный период были попросту забыты. Осложняет эту ситуацию то, что большинство из тех частей и соединений, в которые призывались такие резервисты, были в числе первых брошены на поддержку разваливающегося фронта и без остатка сгинули в многочисленных котлах вместе со всей своей канцелярией, и об их жизни и даже о командном составе мы знаем только то, что стало достоянием московских архивов.

3

Великая восточноазиатская сфера сопроцветания (дайто: а кё: эйкэн) – паназиатский проект, созданный и продвигавшийся правительством и вооружёнными силами Японской империи в период правления императора Хирохито. Проект основывался на желании создать в восточной Евразии «блок азиатских народов, возглавляемый Японией, и свободный от западных держав». Как утверждала официальная пропаганда, целью Японии являлось «сопроцветание» и мир в Восточной Азии, в свободе от западного колониализма.

4

На самом деле адмирал Ямамото (сам не любитель ненужного риска) рассчитывал только на два налета на Гавайи, а то, что соединение Нагумо сумело в течении одного дня сделать целых три, было просто замечательно.

5

Никель – американская монета в 5 центов.

6

Бумажная липучка для мух, изобретенная немецким кондитером Теодором Кайзером, широко известна с 1910 года.

Словоизлияния многонеуважаемого Адольфа Гитлера составлены на основе реальной речи, которую этот персонаж мировой истории произнес в рейхстаге 11 декабря 1941 года по поводу объявления войны Соединенным Штатам Америки. Не исключено, что черновик той речи изначально прозвучал в узком кругу ближайших приближенных и стенографисток, и только потом, расширенный и обработанный спичрайтерами, был произнесен во всеуслышание перед толпой послушных как марионетки депутатов.

В 1938 году начальник Генштаба Людвиг Август Теодор Бек подготовил ряд документов, в которых подверг критике агрессивные замыслы Адольфа Гитлера. Он считал, что они носят слишком рискованный, авантюрный характер (учитывая слабость вооружённых сил, которые были в процессе становления).

Бек даже пытался найти поддержку у Великобритании. Однако британское правительство не пошло на контакт с заговорщиками. Лондон шёл по пути «умиротворения» агрессора, чтобы направить Германию на СССР.

Бек и ряд других офицеров планировали отстранить Гитлера от власти и не дать втянуть Германию в войну. Для переворота готовили штурмовую группу из офицеров. Бека поддержал прусский аристократ и убеждённый монархист, командующий 1-й армией Эрвин фон Вицлебен. В состав ударной группы входили офицеры абвера (военная разведка и контрразведка) во главе с начальником штаба управления разведки за границей полковником Гансом Остером и майором Фридрихом Вильгельмом Гайнцем. Кроме того, поддерживали идеи заговорщиков новый начальник Генштаба Франц Гальдер, Вальтер фон Браухич, Эрих Гёпнер, Вальтер фон Брокдорф-Алефельд, руководитель абвера Вильгельм Франц Канарис.

Сигнал к началу переворота должен был последовать после начала операции по захвату чехословацких Судет. Однако приказа не было: Париж, Лондон и Рим

отдали Судеты Берлину, война не состоялась. Гитлер стал ещё более популярным в обществе. Мюнхенское соглашение решило основную задачу переворота – предотвратило войну Германии с коалицией стран.

9

Имеется в виду отравленная одежда убитого кентавра Несса, которую надел и никак не мог снять Геракл.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/mihaylovskiy_yuliya/vtoraya-zimnyaya-voyna

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)